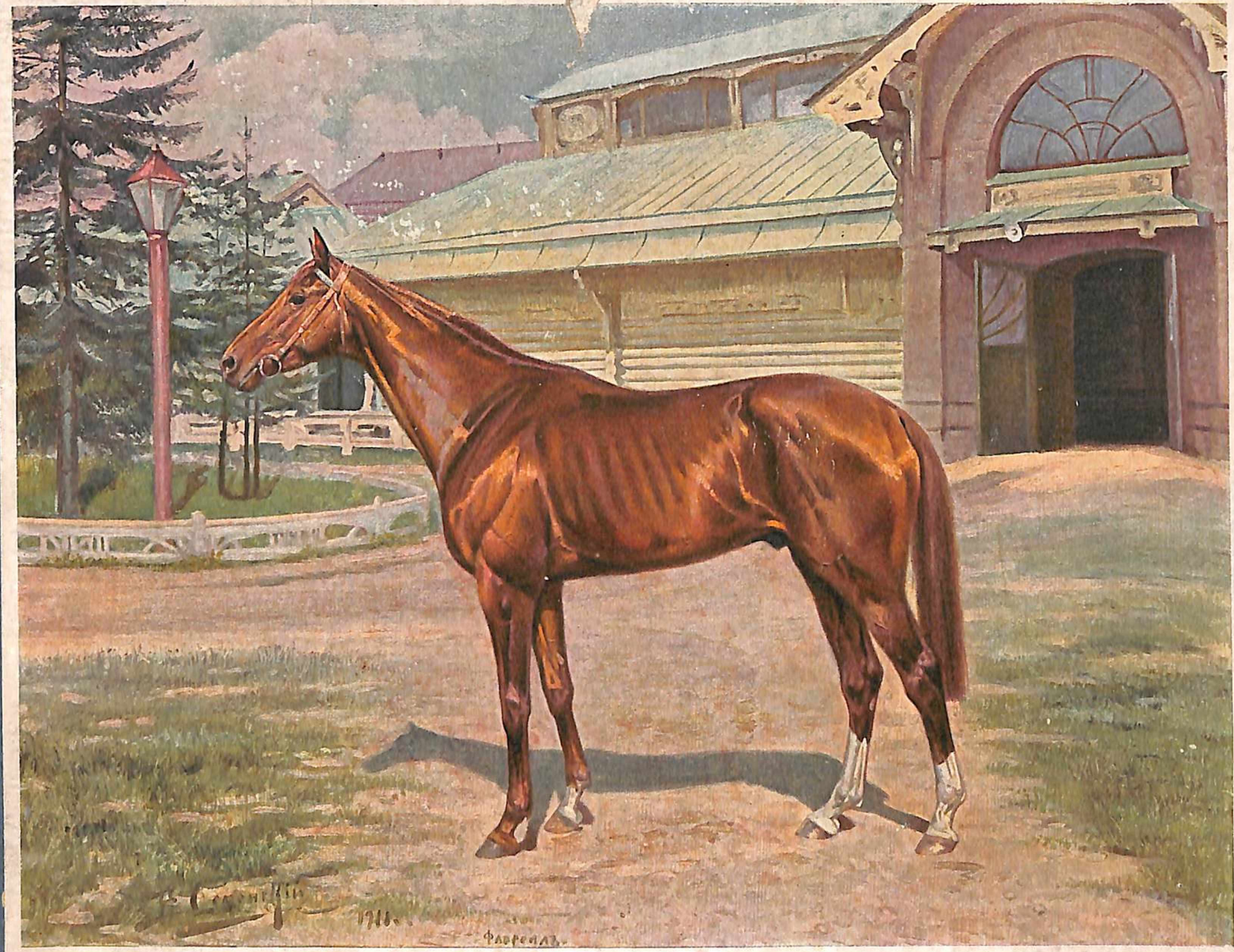


P7C1(05)  
C81



Знаменитый скакунъ „Флореаль“.  
(Къ пятинадцатилѣтню скакового дѣла Е. И. и М. И. Лазаревыхъ).

# СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петербургъ, Москва, Варшава, Харьковъ, Николаевъ, Ростовъ на Д., Рига.

КІРОВОГРАДСЬКА БІБЛІОТЕКА

ОБЛАСНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ім. ДІЧИЖЕВСЬКОГО

КОЛЕКЦІЯ ОЛЕКСАНДРА ІЛЬІНА

Р. 7 (106) С. 81

КОЛ. № 2353 35

ИНВ. № 1006923

ОМОБИЛИ

**ПНЕЙДЕРЪ**

ВЫСШАГО СВѢТА.

овскій пр., 15, соб. д. Телеф. № 226-86.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ



ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

**ОБЮССОНЪ**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,  
МОРСКАЯ, 23 и 25, уг. Гороховой.

СТИЛЬНАЯ МЕБЕЛЬ,  
КОВРЫ,  
МЕБЕЛЬН. МАТЕРІИ.

ПОЛНОЕ ОБОРУДОВАНІЕ ДВОРЦОВЪ  
И  
ЧАСТНЫХЪ КВАРТИРЪ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ (нѣсколько измѣнено и дополнено).

**ВЛ. КРЫМОВЪ.**

О РУЛЕТКЪ МОНТЕ-КАРЛО, ЮЖНОЙ АМЕРИКЪ, ГАСТРОНОМІИ, МОДАХЪ И

**О ПРОЧЕМЪ.**

Путевыя записки, маленькіе фельетоны, критическіе наброски и проч.).

Продается во всѣхъ книжн. магазинахъ, а также въ кіоскахъ жел. дорогъ.

НОВАЯ КНИГА: **ВЛ. КРЫМОВЪ.**  
(5-ая тысяча).

**ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІИ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

Въ странѣ миллиардеровъ.—Газеты и реклама.—По Востъ-Индіи.—Въ Панамѣ.—Въ странѣ любви и землетрясеній.—Кинематографъ мысли.—Странныя разсказы.—Монте-Карло.

Продается во всѣхъ книжн. магазинахъ и кіоск. жел. дорогъ.

Выписыв. изъ редакціи „Столяца и Усадьба“ пересылка бесплатно.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ будетъ начата серія портретовъ животныхъ — „домашнихъ любимцевъ“ — собакъ, кошекъ, попугаевъ, канареекъ, козликъ и т. д.

Они иногда красятъ жизнь!.

Редакція проситъ присылать фотографіи ихъ однихъ или еще лучше съ тѣми, кто ихъ любитъ; также сообщать о разрѣшеніи снять (въ Петербургѣ) нашему фотографу — понятно, снимки будутъ дѣлаться бесплатно.

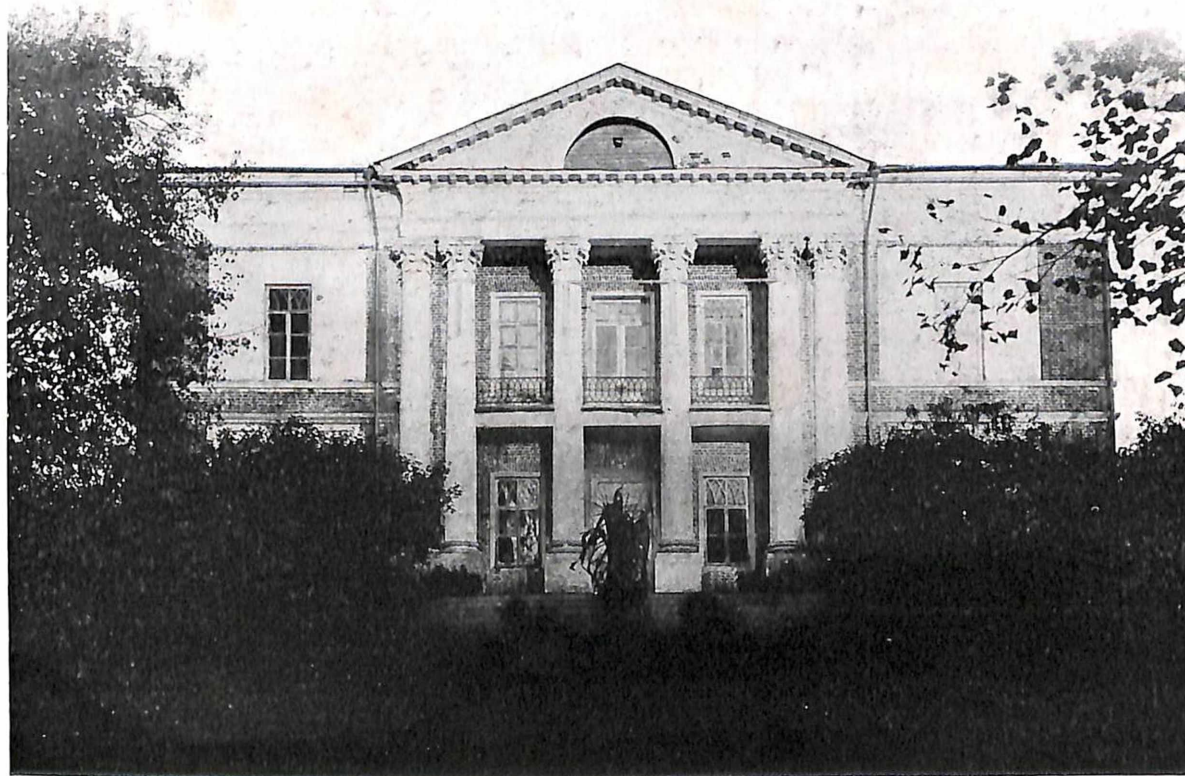
Къ портретамъ желателенъ маленькій текстъ — ихъ привычки, забавныя черты, даже curriculum vitae (Тел. 188-00 или 211-76).

# СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 5.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

1 МАРТА 1914 г.



## „ЯРОПОЛЕЦЪ“.

А. С. Пушкинъ писалъ 21-го августа 1833 г. женѣ:

— „Я пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда я прибылъ благополучно изъ Ярополяца. Въ Ярополець прибылъ я въ среду поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня, какъ нельзя лучше“;

и далѣе:

— „ей хотѣлось бы очень, чтобы ты будущее лѣто провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разрушенномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки,

Дорошенки, къ которому я ходилъ на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопримѣчательности Ярополяца. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила выбрать мнѣ нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и придутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополець былъ вовсе не напрасенъ“.

Прочитавъ это, я, заинтересовавшись, обратился къ историкамъ Малороссіи, гдѣ и нашелъ указанія, что Дорошенко умеръ бездѣтнымъ.



Гончаровскій домъ въ Яропольцѣ (зимою).

О какихъ же потомкахъ говорить Пушкинъ? Тогда я отправился къ моему другу въ Москву, украинскому историку, профессору Д. И. Эварницкому, и спросилъ его.

Въ отвѣтъ на это, Д. И. предложилъ мнѣ поѣхать къ дочери покойнаго поэта — Маріи Александровнѣ Гартунгъ.

Получивъ отъ М. А. нѣкоторыя свѣдѣнія и письмо къ ея племянницѣ Еленѣ Борисовнѣ Гончаровой, мы въ тотъ же день выѣхали въ село Ярополець, гдѣ погребенъ гетманъ Дорошенко.

Ярополець, находящійся въ 20 вер. отъ Волоколамска, принадлежитъ Гончаровымъ.

Владѣлица его познакомила насъ съ нѣкоторыми родовыми документами, доказывавшими происхожденіе рода Гончаровыхъ отъ Дорошенки.

Дивный дворець, выстроенный кѣмъ-то изъ архитекторовъ времени Елизаветы Петровны, при владѣльцѣ Яропольца А. А. Загряжскомъ.

Чудный дворець еще дорогой тѣмъ, что въ немъ не разъ гостилъ А. С. Пушкинъ.

И теперь, въ старомъ саду, живописно брошенномъ по берегу р. Ламы, цѣла густая липовая аллея, называемая Пушкинскою. Покойный поэтъ, по преданіямъ, очень любилъ эту аллею.

Я любовался дворцомъ, этимъ интереснѣйшимъ зданіемъ съ его колоннадой и лѣпными работами снаружи, съ его высокими комнатами, съ его залой,

украшенной удивительно стильной люстрой и старинной мебелью, со стѣнами, расписанными пейзажами, съ громадными изразцовыми каминами.

А кругомъ дворца высокія красныя стѣны, съ рядомъ громадныхъ, причудливыхъ башенъ, производятъ впечатлѣніе древняго замка...

Предо мной тетрадка — описаніе Яропольца, сдѣланное Ал. Н. Муравьевымъ, — помѣченная 26 августа 1835 г. Но въ тетрадкѣ этой много крупныхъ неточностей. Такъ, Дорошенко названъ „гетманомъ Запорожской Сѣчи“, хотя гетмановъ никогда не было въ Сѣчи. Смерть Дорошенки указана 1717 г., и это ошибка: на могилѣ его помѣченъ годъ 1698-й.

Село Ярополець большое, торговое. Базары бываютъ по пятницамъ, и сюда стекается множество народа изъ сосѣднихъ селеній. Часовенка, гдѣ похороненъ Дорошенко, какъ разъ посреди базара. Она обставлена кругомъ ларями торговцевъ. Часовенка эта выстроена впоследствии, какъ мнѣ это передалъ старожилъ, Смолинъ.

Это типъ стараго русскаго богатыря. Ему уже девятый десятокъ, но онъ до сихъ поръ работаетъ и не прочь выпить. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ ямщикомъ, держалъ почтовую станцію и часто возилъ Нат. Ник. Пушкину изъ Яропольца въ Клинь.

— „А Пушкина ты зналъ?“ спросилъ я его.  
„Да, видѣлъ здѣсь, когда онъ, женившись на Наталіи Николаевнѣ, приѣзжалъ сюда, такъ всѣ гово-

рили: „Пушкинъ, Пушкинъ пріѣхалъ!“ А кто такой Пушкинъ, тогда мы не знали. Уже потомъ узнали, что это знаменитый писатель. Мнѣ тогда было около двадцати лѣтъ, какъ сейчасъ помню — идутъ наши господа, а съ ними и Пушкинъ къ памятнику. А памятникъ, плита та самая, лежалъ на землѣ, вокругъ него были сдѣланы 4 столба на навѣсахъ и кругомъ стояли амбары, камни навалены были. Пушкинъ долго разбиралъ надпись, а потомъ и говоритъ нашему барину:

— „Иванъ Николаевичъ, слѣдовало бы почистить кругомъ, да часовенку сдѣлать“.

А баринъ, какъ сейчасъ помню, отвѣчаетъ:

— „Да, слѣдовало бы, сдѣлаю“...

Вскорѣ послѣ того, Иванъ Николаевичъ эту самую часовенку и сдѣлалъ“...

Теперь часовенка пришла въ ветхость и весной Е. Б. Гончарова предполагаетъ ее подновить, обнести рѣшеткой и засадить деревьями.

Жители села Яропольца мало интересуются этимъ памятникомъ, и немногіе изъ нихъ знаютъ, кто похороненъ подъ этой плитой. На наши вопросы слѣдовали самые разнорѣчивые отвѣты: „донской атаманъ“, „запорожскій гетманъ“, „изъ казаковъ какой-то баринъ“, а одинъ начитанный крестьянинъ отвѣтилъ:

— „Говорятъ, что гетманъ, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ таинственный монахъ, и книжки объ этомъ есть“.

Какъ бы тамъ ни было, а могилу гетмана нѣсколько лѣтъ назадъ пытались обокрасть. Тогда часовня не запиралась—и подъ камнемъ съ внутренней стороны былъ сдѣланъ глубокой подкопъ, вынуты были человѣческія кости. Явилась полиція и судебныя власти, снова зарыли могилу, но преступника не нашли. Искать онъ, какъ говорятъ, золотой булавы, съ которой, будто бы, былъ схороненъ гетманъ.

Могила гетмана представляетъ собою большую каменную часовню съ круглымъ куполомъ надъ нею и съ желѣзной рѣшетчатой дверью, всегда запертой замкомъ. Обычно дверь въ часовню никогда не запиралась, но съ тѣхъ поръ, какъ могилу гетмана потревожили какіе-то мѣстные „кладоискатели“, искавшіе опять золотой булавы, она всегда заперта.

Внутри часовни надъ прахомъ гетмана лежитъ длинная гладкая известковая плита, имѣющая безъ двухъ вершковъ три аршина длины. Съ боку плиты, противъ изголовья, высѣчена небольшая сабля и ниже сабли въ красивой виньеткѣ вязью сдѣлана надпись: „Лѣта 7206 ноября въ 9-й день преставился рабъ Божій гетманъ войска запорожскаго Петръ Дорофеевичъ Дорошенко, а поживе отъ рождества своего 71 годъ положенъ бысть на семь мѣстѣ“.

Теперь памятникъ въ забросѣ, никто о немъ и не говоритъ.

Только старики еще вспоминаютъ иногда, что рассказывали ихъ предки.

Въ числѣ старыхъ людей нашлась интересная 70-лѣтняя старушка, Авдотья Кузминична, служившая въ домѣ Гончаровыхъ, бывшая ихъ крѣпостная. Она воспитанница Н. И. Гончаровой и служила Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной до ея замужества. Она помнила изъ рассказовъ служащихъ, какъ пріѣзжалъ Пушкинъ, и сама, въ дни юности, помнитъ, что были на старомъ тополѣ въ саду стихи, писанные Пушкинымъ.

Когда Д. И. Эварницкій началъ ее спрашивать про старину, она отвѣтила:

— „Это надо въ лѣтописяхъ искать, наша голова не постигаетъ“.

Между прочимъ, она припоминаетъ фактъ, памятный въ то время въ семьѣ Гончаровыхъ: когда Нат. Иван. вернулась со свадьбы А. С. Пушкина и дочери и вошла въ свою спальню, со стѣны сорвалось ея зеркало—трюмо и разбилось вдребезги.

— „Не пройдетъ это даромъ“,—сказала она, и всю жизнь вспоминала объ этомъ. А когда, впоследствии, А. С. Пушкинъ былъ убитъ, она припомнила этотъ случай, надѣла на себя все черное и, не снимая траура до самой смерти, окончательно замкнулась въ Яропольцѣ.

О Дорошенкѣ старушка мало говоритъ; она, погруженная въ жизнь Гончаровскаго дворца, мало интересовалась славнымъ гетманомъ, владѣльцемъ Яропольца.

*Вл. Гиляровскій.*

(Изъ поѣздки 1903 года).

## УСАДЬБА ГОНЧАРОВЫХЪ.

„Я влюбленъ, я очарованъ  
Словомъ, я огончарованъ“.

*А. Пушкинъ.*

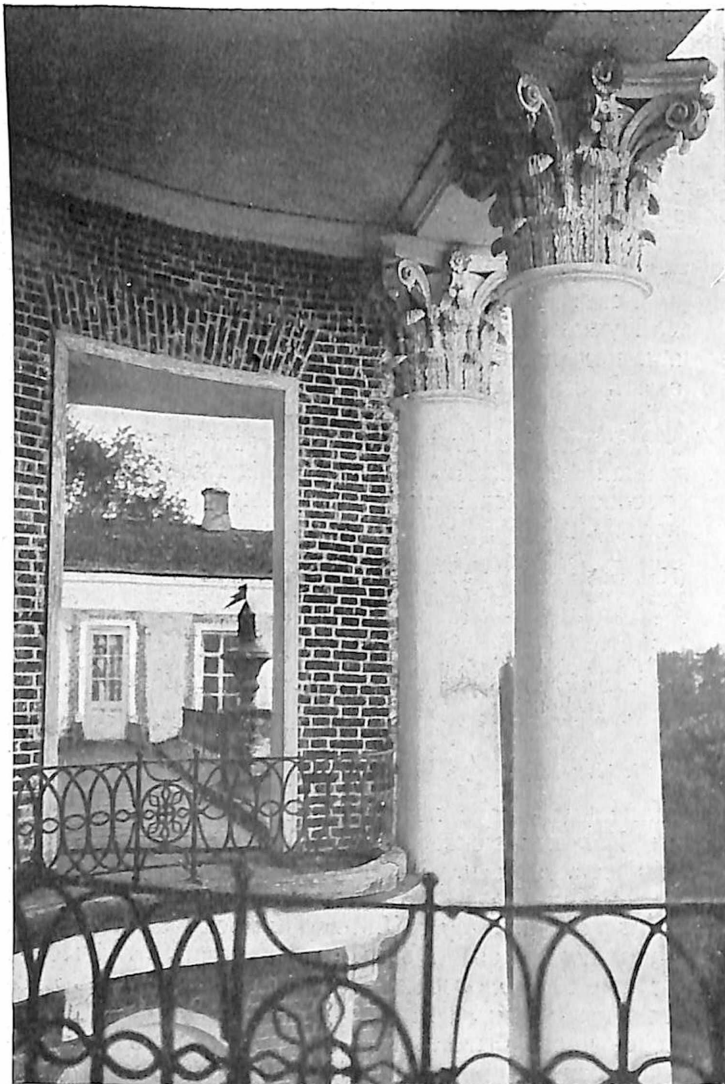
Ярополець — это историческое село находится въ глуши Волоколамскаго уѣзда въ 20 верстахъ отъ станціи жел. дороги. По народнымъ сказаніямъ, названіе его произошло отъ „Ярового поля“, изстари отведеннаго для содержанія псарни московскихъ царей, охотившихся здѣсь. Въ народной молвѣ отмѣчается опредѣленно, что особенно часто любилъ здѣсь охотиться царь Алексѣй Михайловичъ...

Здѣсь часто бывалъ А. С. Пушкинъ и въ его письмахъ къ женѣ, — урожденной Н. Н. Гончаровой, — Ярополець упоминается, начиная съ 21 августа 1833 г., много разъ.

Помѣщичій домъ Гончаровыхъ въ Яропольцѣ построенъ лѣтъ полтора тому назадъ, говорятъ, знаме-



Часовенка надъ могилой Дорошенки въ Яропольцѣ (стоитъ около часовенки Вл. Гиляровскій).



нитымъ зодчимъ XVIII столѣтїя Растрелли \*). Заброшенный въ глушь и даль отъ столицы (отъ Москвы за 135 верстѣ), онъ поражаетъ своимъ архитектурнымъ великолѣпїемъ и величавыми размѣрами, дающими ему видъ дворца... Окруженный прекраснымъ паркомъ, онъ возвышается на холмѣ около красиваго изгиба рѣки Ламы. По берегу ея стоятъ огромныя высокія березы, раскинувъ вѣтви надъ самой водой... Влѣво отъ дворца тянется въ глубь парка высокая, прямая и тѣнистая липовая аллея — „Пушкинская“. Говорятъ, тутъ любилъ сидѣть подолгу

\*) *Прим. ред.* Можно почти безошибочно утверждать, что эта постройка не Растрелли: характеръ постройки не его. Растрелли приписывается вдесятеро больше того, что онъ дѣйствительно построилъ...



нашъ поэтъ. Съ ранней весны въ аллеѣ не замолкаютъ соловьиныя трели, по утрамъ и вечерамъ. Дворецъ обращенъ сюда строгимъ фасадомъ съ плоскими колоннами, а по обѣ стороны его высокая, кудрявая сѣнь парка. Прямо отъ величественнаго фасада начинается поляна, уступами нисходящая къ рѣкѣ.

Со стороны, противоположной саду, находится главный подъѣздъ дворца и фасадъ приковываетъ взглядъ чудесными деталями колоннъ, балконовъ и оконъ... А вдали по ту сторону широкаго двора,—огромныя зданія театра Гончаровыхъ и ткацкой мастерской крѣпостнаго времени... Въ глубинѣ — красивыя оранжереи, башенки и стѣны, ихъ соединяющія. У вѣзда передъ церковью двѣ высокія башни. Церковь туда вмѣстилась видимо, впоследствии: она загоразживаеъ общій видъ дворцовыхъ построекъ.

Еще лѣтъ 25 назадъ отъ башни и до середины села, гдѣ находится могила гетмана Дорошенко, тянулась вдоль дороги прекрасная каменная ограда саженъ на 150. Она была не выше двухъ аршинъ, но такая толстая, что въ распутицу крестьяне въ церковь и отъ церкви ходили по этой стѣнѣ.

Но покойнымъ владѣльцемъ стѣна эта была отдана на сломъ мѣстному трактирщику и теперь вмѣсто нея среди села стоитъ аляповатая, казарменная, двухъ-этажная гостиница „Эрмитажъ“, построенная изъ кирпича стѣны...

Въ сторону же противоположную отъ села усадьба Гончаровыхъ сливается съ садами и парками имѣнїя графовъ Чернышевыхъ-Кругликовыхъ. И тамъ тоже не мало дремлющей красоты и сокровищъ искусства...

Между усадьбою Гончаровыхъ и крестьянскимъ селомъ Яропольцемъ была замѣтная связь и у отцовъ, и у дѣтей. На школьныхъ праздникахъ и экзаменахъ бывали сестры Гончаровы (писанныя красавицы) со



Бюстъ гетмана Дорошенки въ Яропольцѣ.

своимъ старшимъ братомъ, тогда земскимъ начальникомъ. Они улыбались хорошимъ отвѣтамъ учениковъ, дарили гостинцы и, помнится, шопотомъ под-сказывали... И въ паркѣ, и на барскїй дворъ большіе и малые шагали смѣло. Большихъ тамъ выслушивали, давали совѣты, лѣкарства...

А захочется ребятишкамъ раздобыться копеечкой на гостинцы, они гурьбою отправляются на берегъ рѣки противъ дворца и принимаютъ съ гвалтомъ за ловлю раковъ. На шумъ ихъ являлись иногда и сами господа. Они вступали въ разговоръ съ ребятишками, принимали ихъ уловъ на кухнѣ дворца и дарили всегда серебромъ на гостинцы...

Проходили мимо села солдаты на маневры или послѣ нихъ; далеко за селомъ встрѣчали ихъ и гос-

пода и мужики; съ военною музыкаю вмѣстѣ шли по селу прямо ко дворцу и тамъ толпились до ночи на лужайкѣ противъ балкона, на которомъ играли военные музыканты... Дворецъ оживалъ, сверкалъ огнями, военными мундирами, женскою граціей и трепетною красотою танца—блистала своимъ великолѣпіемъ, которое хранить въ себѣ онъ и созданъ былъ.

Могила гетмана Дорошенки находится посреди села. Когда-то здѣсь была церковь и въ ней-то похоронили гетмана подъ правымъ клиросомъ. Но благодаря близости высокаго крутого берега Ламы, подмываемаго водою, церковь отсюда перенесли къ усадьбѣ и на ея мѣстѣ остался кирпичный пьедесталъ и гробница гетмана. Надъ нею построена часовня, какъ говорятъ, по совѣту А. С. Пушкина.

Среди крестьянъ ходила легенда, что будто бы Дорошенко отсюда изъ ссылки скрылся и былъ участникомъ Полтавской битвы и что имъ именно раненъ въ ногу Карлъ XII передъ сраженіемъ. На эту тему есть даже лубочный романъ „Таинственный Монахъ“, очень любимый мѣстнымъ населеніемъ. О томъ же, что Дорошенко скрывался въ монашеской рясѣ въ Межегорѣ подъ Киевомъ, говорится и у поэта Шевченко въ „Кобзарѣ“. Но это было, видимо, до ссылки въ Ярополець. Пушкинъ въ письмѣ къ своей женѣ называетъ Дорошенко ея прадѣдушкой, а народная молва называетъ и сосѣдняго помѣщика графа Чернышева тоже потомкомъ гетмана, и очень оригинально объясняетъ происхождение самой фамиліи графа. Когда одинъ изъ предковъ теперешнихъ Чернышевыхъ былъ просто военнымъ служилымъ человѣкомъ, то въ одномъ изъ походовъ онъ получилъ рану между бровью и ухомъ; по обычаю запорожцевъ онъ эту рану затеръ порошкомъ, она у него зажила, но на ея мѣстѣ остался отъ пороха черный шовъ и эта примѣта стала добавочнымъ прозвищемъ къ его фамиліи, а когда впоследствии возвели его въ графы, то походная товарищеская кличка „Черный Шовъ“ была дана



„Пушкинская аллея“ въ Ярополець.



ловъ. Говорятъ, что каналы эти рылись двумя полками солдатъ. Въ нихъ важно расхаживала огромная рыба, ловить которую не позволялось никому. Рассказывали, что гдѣ-то въ особомъ бассейнѣ плавала диковинная рыба: золотая и съ золотыми серегами, и крестьянскіе мальчишки (въ томъ числѣ и я) съ рискомъ пробирались въ заповѣдныя уголки огром-

въ фамилію новому графу Чернышеву.

Въ сосѣднюю усадьбу графовъ Чернышевыхъ - Кругликовыхъ входъ не такъ доступенъ, хотя сады этой усадьбы сливаются съ гончаровскими. Тамъ цѣлыя аллеи деревьевъ подстрижены квадратами, треугольниками и кругами. Весь садъ пронизанъ каналами, черезъ которые перекинуты узорчатые, изящныя мостики изъ березы съ берестой. Такіе же диванчики разбросаны подъ тѣнью деревьевъ и по берегамъ кана-



Театръ въ Ярополець (остатокъ крѣпостного времени).



Церковь и остатки башенъ въ Яропольцѣ.

наго сада и искали тамъ диковинную рыбу, у которой выпуклые на выкатъ глаза, очень похожи сбоку на массивные золотыя сережки. Есть тамъ дивныя бесѣдки, высокія, съ полумѣсяцемъ на шпилѣ, похожія на мечети... Есть глубокій прудъ, какъ зеркало въ изумрудной рамѣ береговъ. Передъ нимъ огромныя, вѣковыя сосны съ золотистыми стволами, необыкновенно ровными и высокими. Они гладки, какъ колонны и только на страшной высотѣ увѣнчаны пышною короною вѣтвей. Отраженіями этихъ сосенъ въ пруду любятъ подолгу всѣ, кому удастся попасть сюда. Тутъ во дворцѣ долго гостила Екатерина Великая по пути изъ Тавриды въ Петер-

бургъ, о чемъ свидѣтельствуеетъ памятникъ въ паркѣ. Передъ дворцомъ огромный дворъ съ чудеснымъ газономъ и цвѣтникомъ посрединѣ. Въѣздъ закрытъ огромными тяжелыми воротами среди двухъ бѣлыхъ башенъ. Тутъ все иначе, все по другому, нежели въ усадьбѣ Гончаровыхъ и все, чѣмъ пользуются крестьянскія дѣти школьники отъ этой усадьбы—это душистыя вѣтки дерева, называемаго ими по просту масличнымъ, а это были вѣтви туи (какъ я узналъ только теперь), которыя они тайкомъ ломаютъ, чтобы закладывать въ книги...

*Василій Красновъ,*  
крестьянинъ села Яропольца.

Перепечатка статей и иллюстрацій изъ журнала  
безъ указанія источника воспрещается.  
Законъ 20 марта 1911 года.

## ЗАМѢТКИ ОБЪ ЭКСПРОМПТѢ.

### II.

Не всѣмъ поэтамъ экспромпты даются съ одинаковой легкостью. Кромѣ особаго склада дарованія здѣсь играетъ роль и извѣстный навыкъ, умѣнье быстро найти какую-нибудь характерную особенность даннаго событія и подыскать для нея форму сжатую, но вполне опредѣленно выражающую мысль поэта. Бываютъ „сихъ дѣлъ мастера“, такъ сказать, виртуозы экспромпта, у которыхъ всегда наготовѣ легкій и шуточный откликъ на то, чего они являются свидѣтелями. Въ былыя времена славилась своими экспромптами Минаевъ и Мей. Оба поэта не были врагами „зелена вина“, и во многихъ стихотворныхъ шалостяхъ они откровенно сознаются въ своей слабости. Мей за ужиномъ у графа Кушелева-Безбородко, гдѣ собралось избранное общество, сказалъ, обращаясь къ присутствующимъ:

Графы и графини!  
Счастье вамъ во всемъ,  
Миѣ же лишъ въ графинѣ,  
И притомъ большомъ.

Минаевъ сочинилъ самъ себѣ такую эпитафію:  
Прохожій! грязно могилы сей не пачкай!  
Любилъ онъ красное вино и умеръ бѣлою горячкой.

Довольно злымъ четверостишіемъ разразился на одномъ званомъ обѣдѣ покойный П. С. Лихачовъ:

Стучать ножи,  
И хрипнуть глотки...  
О, сколько лжи  
За рюмку водки!..

Болѣе благодушно откликнулся послѣ одного обѣденнаго пиршества, на призывъ хозяйки написать ей что-нибудь въ альбомъ, большой мастеръ на экспромпты Ф. В. Черниговецъ-Вишневецкій:

Когда берутъ меня врасплохъ  
Въ послѣобѣденной истомѣ,  
Тогда я просто глупъ и плохъ  
И въ разговорѣ, и въ альбомѣ.  
И это вѣдь не мудрено:  
Какое мѣсто тамъ разсудку,  
Гдѣ отуманило вино,  
И силы отданы желудку?

Если въ обществѣ поэты нерѣдко отпѣкиваются отъ произнесения экспромтовъ, ссылаясь на нерасположеніе или на какой-нибудь другой благовидный предлогъ, то въ своемъ товарищескомъ кругу они не скупаются на нихъ. Обстановка, а также духъ сорев-



нованія задѣвають иногда за живое самыхъ „маститыхъ“ и оцѣ, тряхнувши стариной, раздражаются иногда наряду съ молодежью неожиданными шалостями пера. В. П. Авенариусу, являющемуся въ настоящее время на собраніяхъ поэтовъ какъ бы патріархомъ, принадлежитъ, напр., такое, не лишнее игривости, четверостишіе:

Примѣрнымъ мужемъ былъ еще Адамъ при Евѣ,  
Примѣрной и она женой ему была:  
Вѣдь другомъ дома ихъ былъ мудрый Змій на древѣ  
Познанія добра и зла.

„Золотымъ вѣкомъ“ экспромптнаго сочинительства было время изданія кружкомъ поэтовъ, собиравшимся у К. К. Случевского, юмористическаго листка „Словцо“. По поводу каждаго событія, занимавшаго общественное вниманіе, на еженедѣльныхъ „пятницахъ“—собраніяхъ поэтовъ слагалось по нѣскольку стихотворныхъ откликовъ, только небольшая часть которыхъ, признанная болѣе удачною и удовлетворявшаю цензурнымъ требованіямъ, появлялась въ печати. Появленіе новаго органа Черниговцевъ почтительно при- вѣтомъ:

Вначалѣ было слово,  
А нынѣ „Словцо“...  
Хоть это не ново,—  
Но фактъ на лицо.

Экспромпты самого Случевского были въ большинствѣ случаевъ въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ его дарованія, имѣвшаго уклонъ въ сторону философскихъ обобщеній. Его „первоапрѣльскій“ экспромптъ, напр., таковъ:

Не шутка первое апрѣля:  
Весь міръ и врунь и пустомеля,  
Но только разъ единый въ годъ  
Онъ вретъ—и это признаеть.

Послѣ смерти Случевского часть кружка поэтовъ, собиравшаяся у него въ домѣ, рѣшила продолжать эти собранія и такъ возникли „вечера Случевского“, носившіе въ общемъ прежній характеръ. Представительницею фамиліи Случевскихъ на этихъ собраніяхъ явилась дочь поэта, которую старѣйшіе участники кружка знали еще дѣвочкой-подросткомъ и привыкли называть попросту Шурой. Когда на одномъ изъ собраній появилась молодая, интересная дѣвушка, не всѣ сразу признали въ ней знакомую имъ, щеголяющую еще въ коротенькихъ платьицахъ, гимназисточку. Впечатлѣніе, которое произвела эта перемѣна, выражено было мною въ четверостишіи:

И тьма вокругъ, и въ сердцѣ мгла,  
И все такъ сумрачно и хмуро...  
Вдругъ солнца лучъ,—она вошла...  
Такъ вотъ какая стала Шура!

Дочь поэта унаслѣдовала его поэтическое дарованіе. Въ ея стихотворныхъ „шалостяхъ“ есть грація и игривый юморъ. На одномъ изъ собраній она написала въ альбомѣ „вечеровъ“ такіе шуточные стихи:

Я шелками такъ шуршу,  
Что сердитъ Драчевскій;  
Нѣтъ милѣе Шу-Шу-Шу,  
Шурочки Случевской.

Это дало толчекъ другимъ, и скоро цѣлая страница альбома заполнилась записями въ такомъ же родѣ. Безвременно погибшій талантливый Викторъ Гофманъ написалъ:

Не боюсь я никого,  
Я боа-констракторъ...  
Я Го-го-го-го-го-го-  
Или Гофманъ Викторъ.

Запись молодого поэта Д. Коковцова такова:

Жить со мною не легко,  
Я не изъ толстовцевъ.  
Я Ко-ко-Ко-ко-ко-ко,  
Я Ко-ко-ко-ковцовъ.

Публика на вечера Случевского собирается обыкновенно поздно, не рѣдки случаи, когда на собраніе, начало котораго предположено въ 9 час. вечера, являются послѣ 12-ти. Это дало поводъ В. В. Усманову-Каплуновскому сказать экспромптъ:

„Вечера“ Случевского превратились въ „ночи“  
И давно „сегодня“ сдѣлалось „вчера“...  
Вижу я грядущее, закрывая очи:  
Соберемся на вечеръ къ десяти утра.

Изъ поэтовъ отзывается довольно часто на событія текущаго дня И. Гриневская. Привожу одинъ изъ недавнихъ ея экспромптовъ, сказанный въ собраніи Общества ревнителей исторіи, предсѣдателемъ котораго состоитъ герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій:

Лейхтенбергъ—то „свѣтъ—гора“.  
Людымъ въ тьмѣ она свѣтила  
Свѣтомъ знанія и добра;  
Этотъ свѣтъ—отчизны сила...  
Чтобы свѣтъ тотъ не померкъ,—  
Leuchte, leuchte, Лейхтенбергъ!

Владѣльцемъ самой обширной коллекціи экспромптовъ является, надо полагать, извѣстный поэтъ-переводчикъ Ф. Ф. Фидлеръ, который не выходитъ изъ дома, не захвативъ съ собою альбома, и писателю, встрѣченному имъ на юбилейномъ-ли обѣдѣ или на похоронахъ, не отвертѣться отъ обязанности занести что-нибудь въ альбомъ. Эту „экспромптоманію“ въ забавной формѣ изобразилъ А. Купринъ:

Юбилеютъ-ли медвѣдя,  
Червяка-ль кладутъ во гробъ,—  
Какъ сейчасъ же Фидлеръ Федя  
Пристаеть,—писали чтобъ...

Пользуются большою популярностью экспромты В. П. Буренина, умѣющаго подмѣчать въ литературныхъ дѣятеляхъ ихъ слабые стороны и ядовито ихъ высмѣивать. Когда В. П. Гайдебуровъ, издававшій одно время газету „Русь“, сталъ пространно повѣствовать въ своемъ органѣ о томъ, какъ онъ кушался въ „шпрудель“, Буренинъ откликнулся на это событіе:

Гайдебуровъ въ шпрудель  
Влѣзъ, какъ рѣзвый пудель...  
Сталъ отъ Гайдебурова  
Шпрудель цвѣта бурога...

Не особенно удачныя газетныя выступленія бывшаго священника Григорія Петрова дали поводъ такимъ стихамъ Буренина:

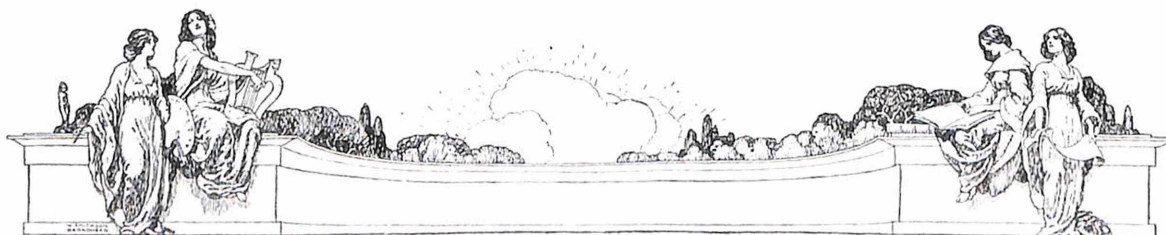
Предайся ты занятію родному,  
Благословляй и приобщай толпу.  
Шить сапоги не слѣдуетъ портному,  
А фельетонъ писать попу.

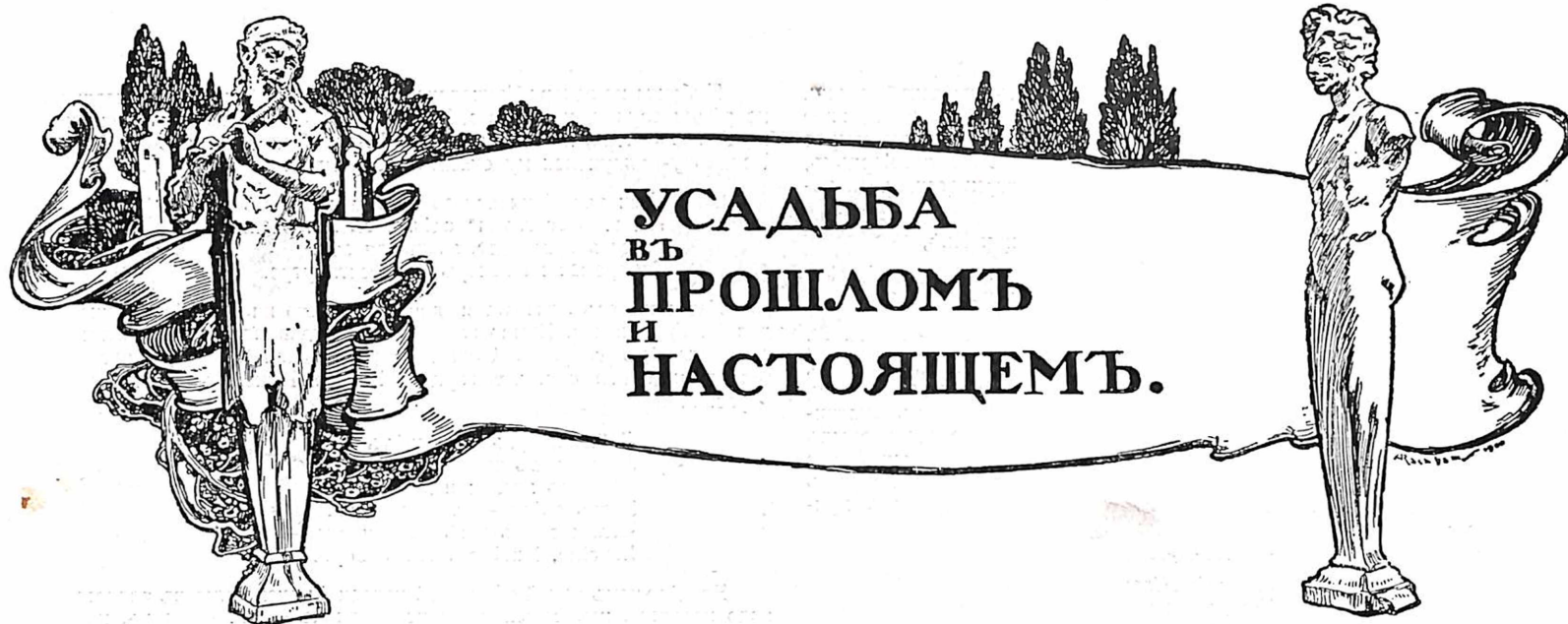
На редакціонныхъ собраніяхъ „Словца“ эпиграммы по поводу разныхъ событій въ литературномъ мірѣ были не рѣдкостью. Не помню—кому принадлежитъ удачный экспромптъ, посвященный Сергѣенку, старавшемуся прилѣпить свое имя къ имени Толстого и Зуеву, пытавшемуся „поддѣлать“ подъ Пушкина окончаніе „Русалки“:

Не снятъ Сергѣенка съ Толстого,  
А Зуевъ къ Пушкину прилѣпъ...  
Есть въ церкви—мышь, подъ дубомъ—грибъ...  
О, боги, боги! Вы могли бъ  
Не дать великому смѣшного.

Въ своей замѣткѣ объ экспромптахъ я привелъ, разумѣется, очень малую долю того, что въ этой области можетъ считаться заслуживающимъ вниманія. Тотъ, кто задалъ бы себѣ трудъ собрать наиболѣе удачные образчики произведеній этого рода, какъ умершихъ поэтовъ, такъ и нынѣ здравствующихъ, составилъ бы книгу и веселую и занимательную.

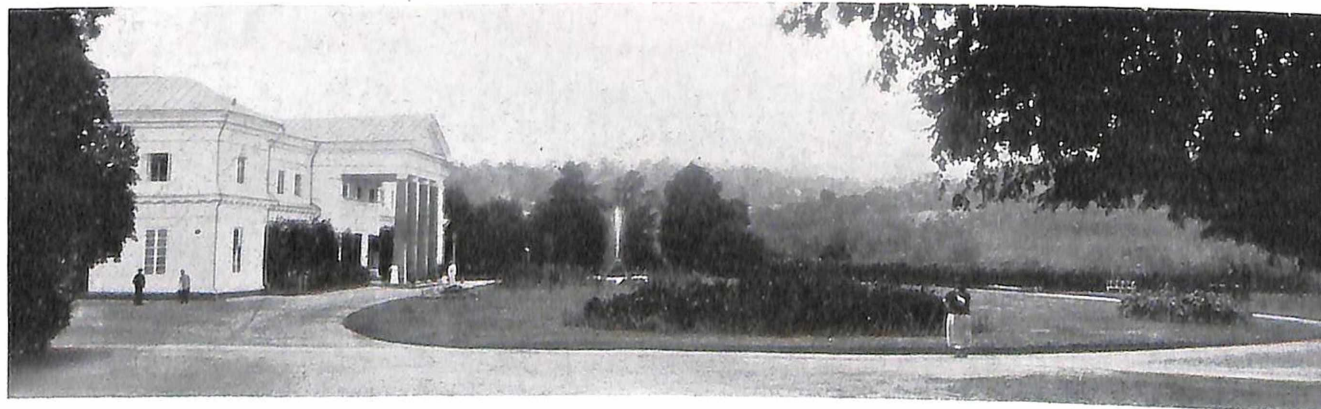
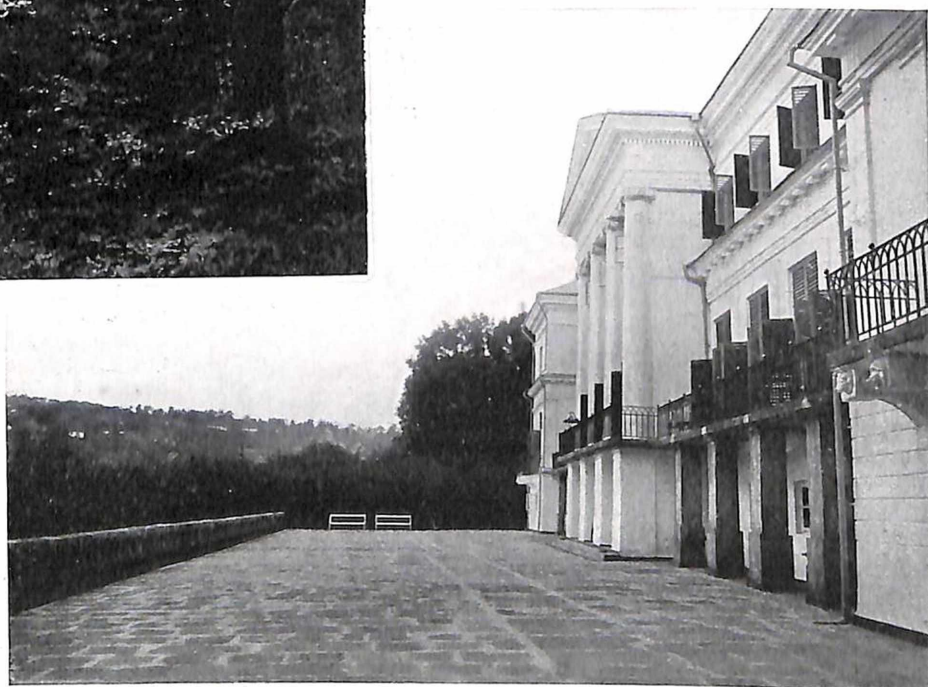
Бенедиктъ.





УСАДЬБА  
„МУРОВАННЫЕ  
КУРИЛОВЦЫ“  
ВЪ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБ.

Домъ построенъ помѣщикомъ Комарь  
въ 1805 году.  
Усадьба принадлежитъ гг. Чихачевымъ.



Фамильные коле и диадема князей Юсуповыхъ.



Свадебные подарки Ея Высочеству Княжнѣ Иринѣ Александровнѣ.

Сняты въ овальномъ залѣ дворца Великаго Князя Александра Михайловича.

1. Налѣво на столѣ: фамильные брилліанты князей Юсуповыхъ—диадема и коле.

2. Шкафъ розоваго дерева съ бронзой—подарокъ Мельцера.

3. Въ шкафу, на верхней полкѣ, въ центрѣ, подарокъ жениха—брилліантовая диадема ажурной работы, замѣчательна тѣмъ, что брилліанты чередуются съ горнымъ хрусталемъ—работы ювелира Картье; въ этой диадемѣ Ея Высочество вѣнчалась.

4. Брилліантовая серьги, изъ фамильныхъ брилліантовъ князей Юсуповыхъ, съ крупными подвѣсками—грушевидными жемчужинами.

5. Брошь—свѣтлый изумрудъ, осыпанный брилліантами, подарокъ Вел. Кн. Ольги Александровны.

6. Браслетъ изъ двухъ крупныхъ брилліантовъ—подарокъ жениха.

7. Подвѣска на шею отъ княгини и князя Юсуповыхъ.

*Вторая полка:*

8. Миниатюра—подарокъ-портретъ, вдовствующей Королевы Англійской.

9. Брошь—подарокъ Императрицы Маріи Феодоровны.

10. Двѣ нитки жемчуга—подарокъ Государя Императора.

11. Въ томъ же футлярѣ брилліантовая нитка и изумрудъ—отъ Вел. Княгини Ксеніи Александровны.

12. Брошь брилліантовая—подарокъ Велик. Князя Николая Михайловича.

13. Браслетъ—принцессы Викторіи.

14. Колецо брилліантовое—подарокъ Вел. Княженъ Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны.

15. Брошь—отъ Англійскаго Посольства.



Шкафъ съ подарками невѣсты Княжны Ирины Александровны.

Красная гостиная во дворцѣ. Портретъ и бюстъ Княжны Ирины Александровны.



*Третья полка:*  
 16. Большая брошь изъ брилліантовъ, рубиновъ и жемчуговъ—отъ Вел. Книгини Ксеніи Александровны.  
 17. Колье—крупные сапфиры съ брилліантами—отъ Вел. Кн. Александра Михайловича и Ксеніи Александровны.  
 18. Подвѣска брилліантовая съ замѣчательнымъ розовымъ жемчугомъ—отъ Вел. Кн. Николая Михайловича.



Наружный фасадъ дворца Вел. Князя Александра Михайловича.

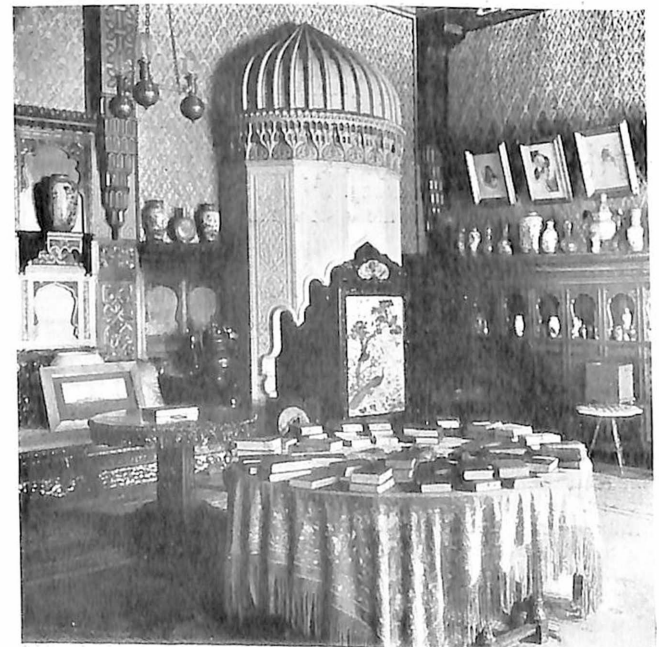


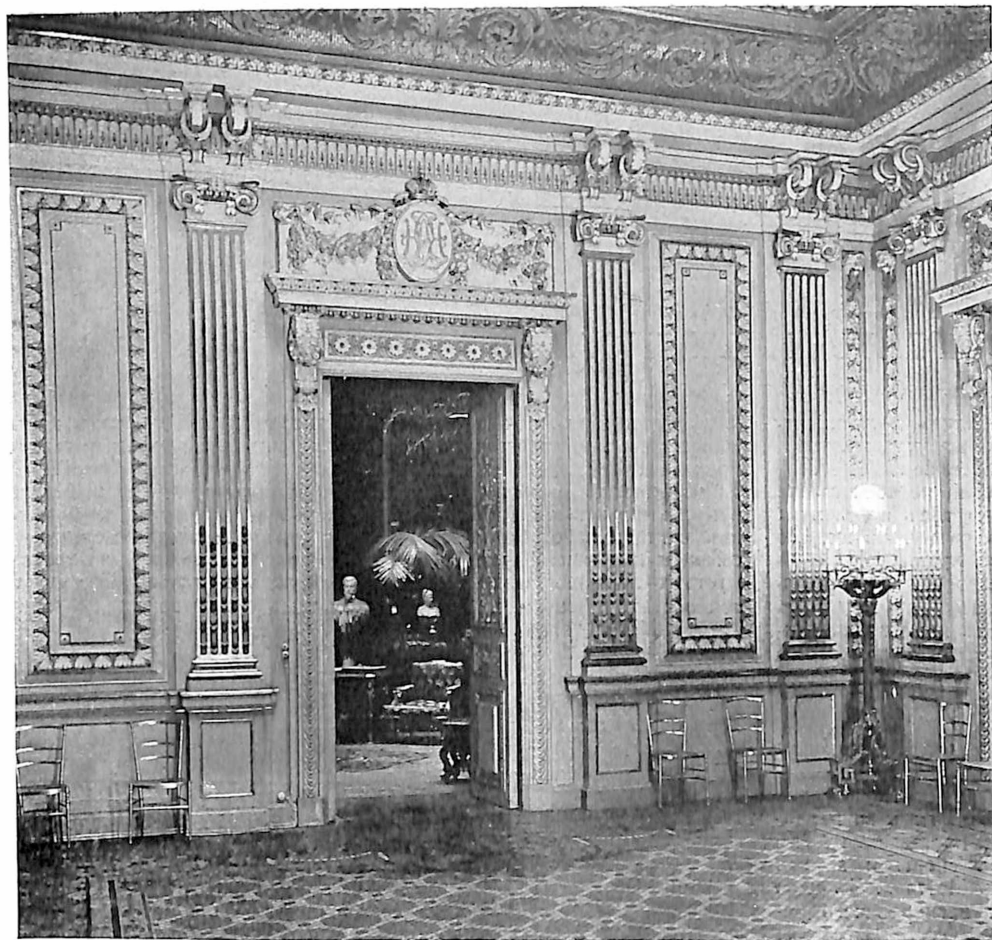
Зимній балконъ во дворцѣ. Сидятъ на первомъ планѣ пажъ Князь Федоръ Александровичъ, морякъ Князь Андрей Александровичъ, на заднемъ планѣ Князь Ростиславъ Александровичъ.

Оранжевая гостиная; черезъ дверь видна бѣлая гостиная.



Мавританскій кабинетъ во дворцѣ Великаго Князя Александра Михайловича. На полу настоящій китайскій коверъ—подарокъ Китайскаго Императора.





Бальный залъ во дворцѣ Великаго Князя Александра Михайловича; въ открытую дверь видна оранжевая гостиная съ бюстомъ Великаго Князя.

*Нижняя полка:*

19. Замѣчательной работы страусъ изъ камня—отъ дочери графини Орловой-Давыдовой.

20. Ларецъ—Зон Стеккель.

21. Брошь—ландыши—(бриллианты и жемчугъ), отъ Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны.

22. Брошь—бантъ бриллиантовый отъ Вел. Князя Георгія Михайловича.

(Подарки работы Болина, Фаберже, Картье, Бушерона, I. Симонэ и Колленвудъ и К<sup>о</sup>).

Передняя во дворцѣ Великаго Князя Александра Михайловича, направо стоитъ казакъ Императрицы Маріи Феодоровны.



Голландская комната; въ перспективѣ бѣлая гостиная, далѣе столовая.



# ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

## БАЙРЕЙТЪ И «ПАРСИФАЛЬ».

(Изъ мнѣхъ воспоминаній).

Съ тѣхъ поръ, какъ „Парсифаль“ сталъ общимъ достояніемъ и всѣ театры міра начали наперерывъ ставить эту музыкальную мистерию, Байрейтъ лишился своего послѣдняго „raison d'être“.

Уже давно слава его начала меркнуть, чуть ли не сейчасъ же послѣ смерти его гениальнаго основателя. Но до тѣхъ поръ, пока были живы и подвизались ставленники великаго музыканта, его ученики и тѣ близкіе къ нему люди, которые хранили въ себѣ полученную ими отъ Вагнера искру священнаго огня, Байрейтъ оставался еще Меккой вагнеріанства. Онъ былъ тѣмъ центромъ паломничества, куда стекались ежегодно со всѣхъ концовъ вселенной поклонники вагнеровскаго творчества, знавшіе по опыту, что только въ Байрейтѣ можно было присутствовать при безупречномъ исполненіи его произведеній, согласно всѣмъ традиціямъ, установившимся еще при жизни творца „Парсифаля“.

Но годы шли, и вотъ мало по малу стали сходить въ могилу или уходить на покой ветераны „Sturm und Drang“ періода вагнеріанства. Умеръ высокоталантливый Бюловъ, не стало Германа Леви, дирижировавшаго первыми исполненіями многихъ вагнеровскихъ драмъ, въ томъ числѣ и „Парсифаля“, поставленнаго въ первый разъ 26 іюня 1882 года. Отошелъ отъ сцены и другой маститый капельмейстеръ Гансъ Рихтеръ, умеръ Моттль... Въ свою очередь стали покидать сцену и лучшіе пѣвцы вагнеровскаго ре-

и пѣвцовъ міра. Объ этомъ можно только пожалѣть, такъ какъ „Парсифаль“ не походитъ ни на одну оперу, и даже среди другихъ произведеній Вагнера занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Та мистическая окраска, которой онъ пропитанъ, и тотъ религіозный духъ, которымъ живетъ каждая страница его партитуры, требуютъ отъ слушателя особаго настроенія, соответствующаго характеру самой музыкальной драмы. А этого настроенія можно было достигнуть только паломничествомъ въ Байрейтъ и только благодаря той обстановкѣ и атмосферѣ, которая тамъ существовала...

\* \* \*

Я впервые посѣтилъ Байрейтъ въ 1885 году, черезъ два съ половиною года послѣ смерти Вагнера. Тогда надъ всѣмъ маленькимъ городкомъ этой живописной части Франконіи, утопающимъ въ морѣ



Лучшій исполни-  
тель Парсифаля  
Ванъ-Дикъ.  
(1901 г.)



Лучшій исполни-  
тель Зигфрида  
Краусъ (1901 г.)

пертуара, тѣ, съ которыми самъ Вагнеръ проходилъ роли, и тѣ, которые хранили лучшія традиціи байрейтскаго театра: Фогель, Гордъ, идеальный Зигфридъ—Скаріо, котораго самъ Вагнеръ называлъ „неподражаемымъ Скаріо“, Маттерна, голландецъ Ванъ-Ро—лучшій Вотанъ, который когда-либо существовалъ, и мн. др.

Одновременно съ упадкомъ байрейтской сцены началъ падать и самъ городъ, его стали рѣже и рѣже посѣщать музыканты и настоящіе цѣнители вагнеровскаго творчества. Ихъ мѣсто заступили шумныя толпы всевозможныхъ снобовъ и праздношатающихся туристовъ обонхъ полушарій.

Наконецъ, наступилъ послѣдній часъ: Байрейтъ лишился „Парсифаля“! Вопреки настояніямъ Вагнера, желавшаго, чтобы „Парсифаль“ никогда не покидалъ Байрейтскаго театра, его посмертное произведеніе отдано нынѣ на разстерзаніе всѣхъ оперныхъ сценъ

зелени, среди изумрудныхъ полей и садовъ и вѣнчающимся небольшимъ холмомъ, на которомъ возвышался знаменитый Байрейтскій театръ, еще властно носился духъ великаго музыкальнаго реформатора. Повсюду въ городѣ можно было встрѣтить его друзей, первыхъ поклонниковъ и приверженцевъ. Гостиницы, рестораны, сады,—все это было обращено въ своего рода храмы и священныя дубравы, гдѣ ежечасно происходили служенія почившему гению. Вся жизнь городка кристаллизировалась, такъ сказать, вокругъ театра. Театръ былъ единственной темой разговоровъ всѣхъ пріѣзжихъ, единственнымъ, на что были обращены взоры всѣхъ...

Въ тѣ годы интереснымъ зрѣлищемъ, которое можно было наблюдать въ Байрейтѣ, было медленное, торжественное движеніе со всѣхъ концовъ города веренищъ экипажей и пѣшеходовъ, направляющихся къ театру. Такъ какъ представленія начинались обыкновенно въ четыре часа дня и заканчивались около 9 час. вечера, то жизнь городка совершенно замирала въ срединѣ дня и пробуждалась только въ сумерки теплыхъ, лунныхъ, лѣтнихъ вечеровъ. Эти вечера пріѣзжіе проводили обыкновенно въ многочисленныхъ, но еще дешевыхъ тогда ресторанахъ и пивныхъ, гдѣ вокругъ кружекъ пива велись горячіе споры и происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Иногда вдова почившаго музыканта устраивала у себя на дачѣ вечера въ честь избранныхъ и почет-

ных поѣтителей, иногда черезъ городъ проходилъ красочный „факельцугъ“. Но всегда въ полночь городъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

Представленія 1885 года я, конечно, запомнилъ очень мало, пожалуй, только абсолютную темноту въ залѣ во время хода дѣйствія и торжественные призывные звуки трубъ, съ высоты театра, извѣщавшіе паломниковъ о началѣ представленій. Въ антрактахъ мнѣ показывали Козиму Вагнера, Германа Леви, молодого еще тогда сына Вагнера, Зигфрида, французскаго переводчика Вагнера Эрнста, его восторженнаго комментатора Г. С. Чемберлена и др.

Въ слѣдующее мое посѣщеніе Байрейта, въ 1891 году я встрѣтилъ почти тѣхъ же лицъ и нашелъ почти ту же атмосферу сосредоточенности и священнаго трепета. Въ тотъ годъ въ Байрейтѣ пѣло нѣсколько новыхъ молодыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, на которыхъ возлагались большія надежды. Между ними особо-видное мѣсто занималъ теноръ Ванъ-Дейкъ, единственный, кажется, изъ всѣхъ пѣвцовъ, который дѣйствительно вполнѣ оправдалъ эти надежды. Впослѣдствіи мнѣ приходилось очень часто слышать этого выдающагося пѣвца, рядомъ съ другими, теперь уже знаменитыми исполнителями вагнеровскихъ произведеній: Генрихомъ Кнодомъ, Лили Леманъ, Фессбендеръ-Моттль, Шуманъ-Гейцъ, Нординой, Феліей Литвинъ, Маріей Витихъ, Терниной, Краусомъ, Бурьяномъ и др.

Въ послѣдній разъ я посѣтилъ Байрейтъ въ 1905 году, и съ трудомъ узналъ его.



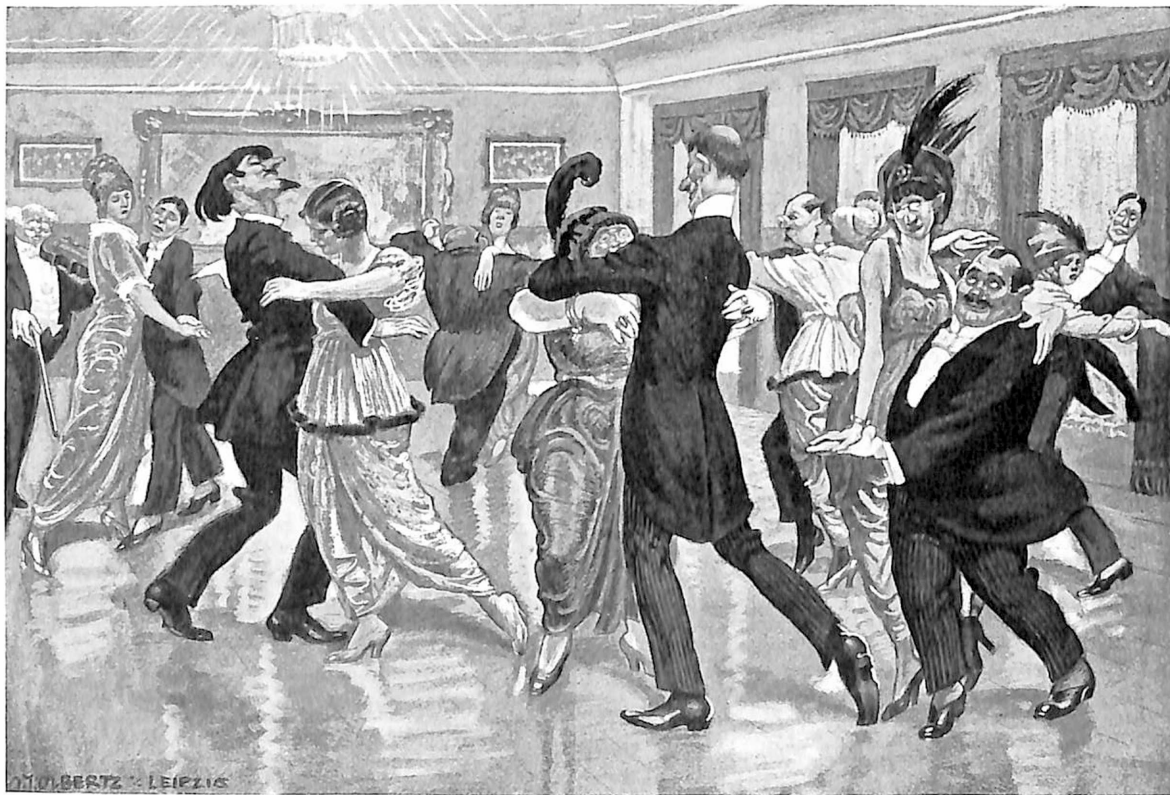
Байрейтскій театръ.

вбивали себѣ въ голову, точно школьники трудный урокъ, значеніе лейтъ-мотивовъ, туманную и мистическую философію „Парсифаля“ и сложную канву „Кольца Нибелунговъ“...

Одновременно съ этимъ и самъ городъ Байрейтъ весьма измѣнился. Онъ сталъ меркантиленъ, зазывающъ какъ ярмарка, нахаленъ, угодивъ и страшно дорогъ.

И увидавъ все это, и понявъ, что уже никогда больше чаша св. Грааля не озарится небеснымъ свѣтомъ, я отряхнулъ пыль отъ ногъ своихъ и позабылъ навсегда дорогу въ Байрейтъ...

*Глобтроттеръ.*



Школа танго (нѣмецкая каррикатура).

## ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

У „Кюба“.

На дняхъ кто-то за обѣдомъ рассказывалъ анекдотъ о томъ, какъ онъ пріѣхалъ къ своему другу въ имѣніе въ Западномъ Краѣ. Смотритъ у всѣхъ коровъ вздутые животы.

— „Что это у васъ такое?“

— „А, видите ли, у меня фабрика древесной стружки, а сѣна съ половины зимы не хватило, такъ я кормилъ коровъ стружками“...

— „А развѣ коровы ѣли“?!“

— „Ѣли... я имъ всѣмъ надѣлъ зеленые очки, онѣ и думали, что это трава!“

По этому поводу другой помѣщикъ рассказывалъ еще болѣе невѣроятный случай.

— „Хотѣли, чтобы куры неслись зимой. Онѣ начинали нестись только тогда, когда термометръ поднимался до 12—13°, а тутъ все стояло холода... Помѣщикъ рѣшилъ тогда перехитрить куръ и повѣсилъ имъ термометръ Фаренгейта: куры увидѣли, что температура такая высокая и сразу стали нестись“.

— „Господа, вѣдь, вы же не охотники“!.. — замѣтилъ по этому поводу третій собесѣдникъ.

### Традиционный балетный ужин послѣ бенефиса кордебалета (2 февраля).

Среди присутствующих (отъ середины): Заслуж. арт. Имп. театровъ М. Ф. Кшесинская, балерина Т. П. Карсавина, М. А. Бакеркина, Н. А. Бакеркина, Е. А. Борхардъ-Лихачева, Е. Э. Биберъ, И. В. Бередниковъ, Н. А. Богдановъ, А. Я. Ваганова, Вахтеръ, М. Е. Вернеръ, М. Н. Горшкова (моск. бал.), I. E. Готшъ, ген.-ад. П. П. Дурново, Ф. Г. Дикъ, В. П. Крымовъ, сов. исп. посольства Каррерасъ, В. А. Колянковский, фл.-ад. Козляниновъ, Е. М. Люкомъ, В. М. Леонтьева 2, М. М. Леонтьева, С. А. Латонинъ, Л. Н. Муромская, А. Мамонтовъ, М. П. Матвѣевъ, Л. Р. Нестеровская, М. К. Невельская (моск. балетъ), быв. бал. В. А. Никитина, И. С. Неслуховская, Е. А. Островская-Лютикова, Н. А. Островскій, А. Прохорова, Н. А. Панчина, фонъ-Притвицъ, А. А. Померанцевъ, О. А. Рожественская, Ю. Л. Ракитинъ, Е. Н. Стремлянова 1, Ю. Н. Съдова, хор. Сиверсъ, Г. Г. Семеновъ, гр. И. В. Стенбокъ-Ферморъ, Е. Д. Фокина 2, Г. Г. Фракманъ, штал. Д. Н. Чихачевъ, В. Я. Чистяковъ, Ж. А. Шиманская, гр. Шуваловъ, Н. Д. Шубинъ-Поздѣевъ, гр. М. Ф. Шевильи.



СЪ ФОТОГР. НАШЕГО ХУД. П. И. ВОЛКОВА.

### ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГАСТРОЛЕРЫ.

Вслѣдъ за Ришпеномъ, Верхарномъ, де-Фукьеромъ Петербургъ предполагаютъ посѣтить еще разные французскіе писатели, которые прочитаютъ у насъ рядъ лекцій на литературныя и общественныя темы.

У насъ гастроли иностранныхъ литераторовъ являются новинкой, но въ Парижѣ „конференціи“ пользуются широкой популярностью. Специально для нихъ устроены такъ называемый „заль Бодиньеръ“, съ небольшою сценою, на которой нѣсколько разъ въ недѣлю выступаютъ беллетристы, критики, поэты, путешественники и т. д. съ живыми и интересными лекціями по самымъ разнообразнымъ вопросамъ — общественнымъ, литературнымъ, политическимъ, религиознымъ.

На сценѣ Бодиньеръ исполняются также небольшія пьески, конечно, не требующія почти никакой обстановки; даютъ вокальные и инструментальные концерты, показываются живыя картины, кинематографъ и проч.

Лекторами нерѣдко выступаютъ и иностранцы. Такъ, напримеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ кн. В. В. Барятинскій читалъ здѣсь отрывки изъ своего стихотворнаго перевода на французскій языкъ „Евгенія Онѣгина“.

Публика, привлекаемая именами лекторовъ и разнообразіемъ темъ, очень охотно посѣщаетъ эти конференціи. Партеръ наполняется обыкновенно избраннымъ обществомъ, а на галлерей собирается публика попроче, обычно во время конференцій. Истребляющая въ большомъ количествѣ сладкіе пирожки, соединяя такимъ образомъ пріятное съ полезнымъ!

Для многихъ современныхъ знаменитостей Бодиньеръ послужилъ преддверіемъ храма Славы. На этой маленькой сценѣ дебютировали романисты, поэты и политическіе дѣятели, приобрѣвивъ потомъ громкую извѣстность.

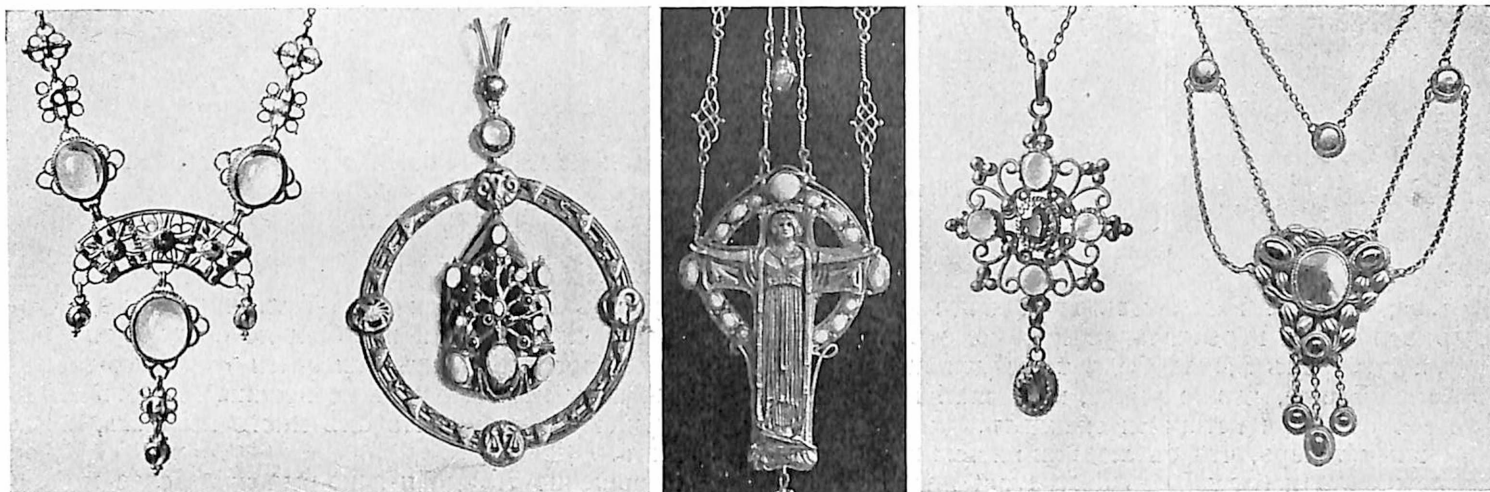
Опытные лекторы всегда умѣютъ возбуждать вниманіе слушателей, придавая своему чтенію характеръ живой свѣтской болтовни. Они хорошо знаютъ свою публику, знаютъ, что она неспособна сосредоточиваться на вопросахъ слишкомъ серьезныхъ и отвлеченныхъ, и потому стараются облекать свои разсужденія въ наиболее доступную для нея форму. Серьезная рѣчь пересыпается неожиданными отступленіями, сравненіями, забавными анекдотами; все это будитъ любопытство и поддерживаетъ до конца вниманіе.

„Конференціи“ — прекрасный образецъ той неподражаемой „causerie“, въ которой французы отличаются такимъ удивительнымъ мастерствомъ еще со временъ салоновъ стараго режима — барона Ольбаха, г-жи де-Севинье.

Лѣтъ 15 тому назадъ въ Парижѣ не бывало конференцій, кромѣ тѣхъ, которыя читались въ Cercle Saint-Simon; но это были лекціи очень серьезныя, почти исключительно историческаго содержания, и при томъ доступны только для членовъ клуба и ихъ друзей.

Въ ту пору покойный философъ Каро сталъ являться въ великосвѣтскихъ салонахъ со своими causeries по разнымъ психологическимъ вопросамъ; эти бесѣды, имѣвшія огромный успѣхъ среди свѣтскихъ дамъ, показались настолько необыкновенными, что газеты нѣсколько лѣтъ подрядъ вышучивали профессора, и, наконецъ,





У насъ считаютъ опалы и даже лунный камень и кошачій глазъ несчастливymi камнями. Трудно сказать—откуда пошелъ этотъ предрасудокъ. Между тѣмъ эти полу-драгоценные камни очень красивы. На нихъ сейчасъ мода въ Англии, и благодаря этой модѣ они сильно поднимаются въ цѣнѣ.



Изображенные на нашемъ рисункѣ кулоны, взяты изъ послѣднихъ номеровъ английскихъ художественныхъ изданій: это послѣдняя „creations“ английскихъ ювелировъ, всѣ онѣ съ опалами и лунными камнями...

Пальеронъ вывелъ его даже на сцену въ извѣстной комедіи „Le monde ou l'on s'ennuie“, очень долго не сходящей съ репертуара.

А, между тѣмъ, въ это самое время конференціи были уже въ большомъ ходу не только въ провинціальныхъ городахъ Франціи, но и повсюду—въ Швейцаріи, въ Бельгіи и въ Голландіи...

Возникло общество, которое стало устраивать лекторскія поѣздки по разнымъ городамъ, имѣвшія часто блестящій успѣхъ. Лекторами

выступали не одни только профессора, трактовавшіе выбранный сюжетъ съ подобающей серьезностью, но и писатели, въ особенности молодые поэты и беллетристы, желавшіе познакомить публику съ отрывками своихъ новыхъ стиховъ, романовъ или пьесъ. Публика, со своей стороны, охотно шла на эти чтенія, заинтересованная возможностью не только послушать „восходящихъ свѣтилъ“, но и посмотреть на нихъ.

Ю. П. Морозовъ.

Традиціонный балетный ужинъ (послѣ бенефиса кордебалета).



ФОТОГР. НАШЕГО ХУД. П. И. ВОЛКОВА.

## ПИСЬМА И BILLETS DOUX.

### II.

Mon cher Redacteur.

Фи! Какъ это зло съ Вашей стороны! Я получила послѣдній номеръ Вашего милого журнала и вдругъ увидѣла, что Вы напечатали въ немъ мое письмо! Вѣдь это было персональное письмо отъ меня къ Вамъ... И баронъ Зюнде былъ тоже удивленный.

Хорошо еще, что le prince, mon mari не видѣлъ, а то это было бы истинный скандалъ.

Я вижу теперь, что съ людьми письма надо имѣть осторожность, и буду Вамъ dorénavant писать только вещи, имѣющія стриктно соціальный характеръ.

Баронъ Зюнде посовѣтовалъ мнѣ, чтобъ я была больше au courant вопросовъ дня, устраивать у себя маленькія собранія разъ въ недѣлю и на этихъ собраніяхъ дебатировать именно тѣ вопросы, которые волнуютъ общество. Я повѣрила хорошо послѣдовать его совѣту и для начала пригласила къ себѣ нѣсколько человѣкъ ужинать прошлую субботу послѣ французскаго театра. (Вы видѣли Roggers? Charmante artiste!).

Были графиня Веруламова, моя двоюродная сестра — баронесса Лала Шёнау, Тать-Татьминскій, знаете онъ теперь членъ одного изъ совѣтовъ, а въ семидесятыхъ годахъ, передъ турецкой войной, былъ губернаторомъ въ той провинціи, гдѣ у моей бабушки, матери папап, были большія земли; потомъ были еще се cher général Кейстутъ, графъ Мосягинъ-отецъ, который былъ дипломатомъ въ Монако, и у котораго былъ предокъ, который былъ сдѣланъ графомъ при Екатеринѣ II, которая была къ нему очень милостива; и, наконецъ былъ еще, конечно, баронъ Зюнде.

Le prince, mon mari, узнавъ, что у меня будетъ серьезное собраніе, сказалъ, что у него невралгія, и поѣхалъ въ клубъ... Это было съ его стороны грубо и даже неумно, такъ какъ я не допускаю и мысли, чтобъ могли еще существовать люди, которые вѣрили бы въ лѣченіе невралгіи клубомъ. Но въ концѣ счета я была даже довольна, что онъ уѣхалъ. Мы всѣ безъ него чувствовали себя оживленно, свободно и очень скоро поняли другъ друга и всю необходимость нашихъ собраній; я, конечно, никому не сказала, что я стала писательницей, и что такая сила — какъ журналъ — въ моихъ рукахъ.

Воображаю себѣ, какой это былъ бы сенсационный эффектъ, еслибъ они узнали!

На этомъ нашемъ первомъ собраніи мы дебатировали какъ разъ тотъ самый вопросъ, который, какъ оказывается, дебатировался въ Государственномъ Совѣтѣ, — вопросъ о томъ, можно ли пить шампанское подъ Новый Годъ во время réveillon. Это было очень, очень мило и глубоко.

Президировалъ баронъ Зюнде или какъ онъ это называлъ болѣе русскимъ терминомъ — „руководилъ преміями“ (à propos, я не совсѣмъ поняла — при чемъ тутъ преміи?). Хотя онъ и самый молодой изъ всѣхъ мужчинъ, которые присутствовали, но выбрали президировать именно его, такъ какъ онъ имѣлъ инициативу этихъ собраній.

Началъ онъ, съ моей точки зрѣнія, слишкомъ научнымъ фасонномъ, говорилъ такія слова — какъ алкоголизмъ, акцизъ, вспомнилъ о графѣ Сергѣѣ Юльевичѣ.

А propos, я никогда не могла понять до дна — какъ графъ сдѣлалъ свою реформу: я знаю, что онъ простую водку обратилъ въ Мопорле, но какъ онъ это

сдѣлалъ и почему Heidsiek не протестовалъ — этого я никакъ не могу схватить.

Послѣ того, что баронъ Зюнде поговорилъ минутъ десять о такихъ научныхъ вещахъ, онъ пригласилъ другихъ высказаться.

Первымъ высказался Тать-Татьминскій, но говорилъ онъ тоже научно и все больше о прошломъ; съ большой approbation онъ отзывался о какихъ-то откупахъ, но у кого именно я не поняла. Можетъ быть, это случилось потому, что онъ много кашлялъ, когда говорилъ.

Совершенно твердо и ясно выложила свое мнѣніе графиня Веруламова: она сказала, что разрѣшать народу пить шампанское можно только на большихъ балахъ (наши мужички называютъ это „хороводами“), а также въ ночь подъ Новый Годъ; въ остальные же дни пусть всѣ пьютъ Нарзанъ, Ессентуки, Старую Руссу и другія казенныя воды. Благодаря этому, по совершенно вѣрному замѣчанію графини, пьяныхъ не будетъ, а казна получитъ большой доходъ.

Графъ Мосягинъ-отецъ привелъ при этомъ „историческую справку“ (это — выраженіе барона Зюнде) изъ своей дипломатической карьеры: монашескимъ поданнымъ разрѣшаютъ играть въ рулетку только разъ въ годъ, въ день рожденія князя; въ остальные же дни они ѣздятъ играть въ карты въ Ниццу.

Се cher général Кейстутъ склонился въ другую сторону: онъ утверждалъ, что пить всякое вино полезно, если не выпивать въ день больше двухъ бутылокъ винограднаго и полбутылки водки или коньяку; что въ холодную погоду это согрѣваетъ, а въ жару утоляетъ жажду; что древніе римляне, прославившіеся своими пирами, завоевали міръ...

Генераль говорилъ очень долго и очень горячо и все время наполнялъ стоявшій передъ нимъ бокалъ; закончилъ онъ свою рѣчь очень красивой фразой — „не отнимайте отъ насъ вино и женщинъ“ и предложилъ тостъ за присутствующихъ дамъ, при чемъ глядѣлъ на меня, и у него въ глазахъ появились слезы. Parole d'honneur!

Барону Зюнде его рѣчь, и особенно конецъ, кажется, не понравилась, и онъ, въ своемъ качествѣ президента собранія, замѣтилъ Кейстуту, что онъ удаляется отъ сюжета. По поводу этого cette folle de Лала Шёнау очень захохотала и сказала, что президентъ долженъ быть безпристрастнымъ. Я не знаю, что она подразумевала, но, говоря это, она похлопала меня по рукѣ. Я думаю — вѣдь эта Лала такая сумасшедшая! — что она вообразила, что се cher Кейстутъ въ меня влюбленъ, и что баронъ Зюнде поэтому разсердился... Странно, что существуютъ люди, которые никогда не могутъ быть серьезными.

Подъ конецъ засѣданія внезапно вернулся le prince, mon mari (я думаю — онъ проигрался въ клубъ и потому раньше вернулся).

Когда Лала сообщила ему о сюжетѣ нашего собранія, то онъ спросилъ (я цитирую текстуально): выдѣлили ли мы изъ своей среды „подкомиссію для выработки средствъ усиленнаго производства нашатырнаго спирта, этого важнаго и вѣрнаго фактора для борьбы съ опьянѣніемъ“.

Я не знаю — было ли это одной изъ его тяжелыхъ шутокъ, но Лала и Кейстутъ поцѣловали его — она на правахъ моей кузины, а генераль — на правахъ его старшаго бывшаго товарища по полку.

Потомъ мы всѣ выпили шампанскаго.

Au revoir, mon cher Rédacteur.

Княгиня Сандра.

„ВЕСЬ ПЕТЕРБУРГЪ“.

НАШЪ БАЛЕТЪ.



Графъ Шевилъи.  
(Шаржъ Юнкера Шмита).



Балъ „цвѣтныхъ париковъ“ у граф. Е. В. Шуваловой.

Ужинъ въ театральнѣ залѣ. Среди присутствовавшихъ: ген.-адъют. бар. Ф. Е. Мейендорфъ, кн. Кочубей, графъ П. Н. Апраксинъ, ген. кн. Енгальчевъ, бар. А. А. Буксгевденъ, ген. И. Д. Орловъ, графъ П. А. Игнатьевъ, ген.-адъют. А. Н. Николаевъ, гр. Ностицъ, графиня Тотлебенъ, княгиня Кантакузенъ-Сперанская, бар. Палень, г. Оливъ, графъ Старженскій, кн. Долгоруковъ, гр. Олсуфьевъ, бар. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, кн. В. М. Волконскій, л.-гв. Гусарск. полка полк. Кауфманъ съ женою, бар. Кноррингъ, бар. Торнау, г. Иваненко, бар. Мейендорфъ, кн. Горчаковъ, гр. Мусинъ-Пушкина, гр. Толстой, А. А. Половцовъ.



„Менуэтъ“ въ Московскомъ Литературно-Художественномъ кружкѣ.  
Дочери Шаяпина и Карзинкины.

\* \* \*

Въ блѣдно розовой ротондѣ  
Тають звуки менуэта,  
И кафтаны, и робронды  
Блещутъ въ зеркалѣ паркета...  
Улыбаются маркиза...  
О маркиза, чьи капризы,  
Какъ волшебный вѣтеръ мая,  
И плѣнительны, и нѣжны...  
Пусть, лорнеткою играя,  
Старый графъ остритъ небрежно:  
Ужъ и въ немъ огонь мятежный,  
Ужъ и въ немъ стрѣлы Амура  
Будятъ муки и надежды —  
Графъ роняетъ каламбуры,  
Графъ во власти юной грезы —  
Стройность тали, бархатъ кудрей,  
И румянецъ ярче розы  
Подъ душистой, бѣлой пудрой...  
Тають звуки менуэта,  
Серебрить луна карнизы —  
И въ смущеніи ждетъ отвѣта  
Графъ, склоненный у маркизы...

М. фонъ-Эссенъ.



Наталя Мих., урожд. граф. Стенбокъ, и подполк. Генер. Штаба Алексѣй Еф. Вандамъ; бракосочетаніе состоялось 8 января

## НОВОБРАЧНЫЕ.

Лидія Никол., урожд. Фигнеръ, и Мих. Митроф. Поливановъ; бракосочетаніе состоялось 26 января.



## ФРАНЦУЗИКЪ ИЗЪ БОРДО.

Андрэ Бэкъ де-Фукьеръ... и мнѣ вспоминается маленькій, но очень фешенебельный кафе-баръ на Avenue des Champs Elysées. Группа элегантно одѣтыхъ, гладко выбритыхъ и причесанныхъ молодыхъ людей окружаетъ высокаго блондина съ длинными холерными усами, въ цилиндрѣ на бекрень. Блондинъ ораторствуетъ и, обращаясь по очереди къ каждому изъ окружающихъ его юношей, скользитъ по его лицу взоромъ своихъ, немного, стекляннхъ глазъ. Его слушаютъ со вниманіемъ, но безъ особаго почтенія. Между нимъ и другими членами кружка разница въ годахъ не особенно велика, и слегка наклоненный цилиндръ не придаетъ особой убѣдительности и серьезности его словамъ.

Невдалекѣ, за другими столами, вокругъ стакановъ съ абсентомъ, вермутомъ и прочими микстурами, которыя въ Парижѣ называютъ „арретитисъ“, но которыя на самомъ дѣлѣ скорѣе портятъ желудокъ, чѣмъ возбуждаютъ аппетитъ, возсѣдаетъ бразильскій авиаторъ Сантошъ Дюмонъ, маленькій и худощавый виконтъ Кастильонъ де Сенъ-Викторъ, графъ де Лаво и прочіе главари французскихъ роялистовъ.

— Кто это? — спрашиваю я моего спутника, знакомящаго меня съ прелестями парижской жизни, — указывая на блондина въ цилиндрѣ.

— Это Андрэ Бэкъ де Фукьеръ, политическій агитаторъ и председатель кружка роялистической молодежи семнадцатаго парижскаго округа. Посмотрите съ какимъ апломбомъ онъ говоритъ и держится! Впрочемъ, онъ серьезнѣе многихъ... Къ сожалѣнію, республиканское правительство совершенно не хочетъ признать въ немъ опаснаго человѣка и это его нѣсколько огорчаетъ. Въ сущности, онъ ничего не дѣлаетъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что занимается политикой. Ему, вѣдь, все равно и онъ прекрасно знаетъ, что король никогда не вернется въ Парижъ. Чего онъ ищетъ — такъ это богатой невѣсты, по возможности изъ американокъ. Но врядъ ли ему удастся ее найти, такъ какъ онъ не знатенъ, не особенно образованъ и не особенно шикаренъ. Вѣдь, ни въ его характерѣ, ни въ его умѣ, ни во виѣшности нѣтъ того размаха, той оригинальности, того „тона“, благодаря которому людямъ прощается многое, въ частности ихъ безденежье...

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, я встрѣтился впервые съ Андрэ де Фукьеромъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Въ тѣ годы скипетръ арбитра французской элегантности переходилъ изъ трясущихся рукъ графа де-Саганъ къ молодому еще тогда графу Бони де Каstellанъ. Вертлявый и курчавый, какъ барашекъ, графъ Бони, строилъ себѣ въ тѣ времена на деньги своей супруги графини Анны, дочери американскаго миллиардера Джэ Гульда, великолѣпное палаццо на Avenue du Bois de Boulogne изъ розоваго мрамора, точную копию дворца Большого Трианона. Онъ взялъ наслѣдіе Сагана, перешедшее къ этому старцу чуть ли не по прямой линіи отъ Лозена, графа Д'Орсэ, Рожэ де Боуара и отчасти даже Барбэ Д'Оривиллы, и началъ удивлять Парижъ необычайнымъ покроемъ своихъ сюртуковъ и цвѣтомъ и формой своихъ галстуховъ, выкроенныхъ изъ старыхъ юбокъ его прабабки, супруги маршала Каstellана. Впрочемъ, это было, кажется, единственное, что онъ унаслѣдовалъ отъ этой почтенной дамы.

Но прошло нѣсколько лѣтъ и звѣзда графа Бони стала меркнуть. Миновали годы умопомрачительныхъ сюртуковъ и галстуховъ, графъ Бони получилъ разводъ и принужденъ былъ довольствоваться какими-то несчастными 12 тысячами франк. въ годъ... Парижъ лишился своего традиціоннаго арбитра элегантности. Нѣсколько лицъ попытались привлечь на себя вниманіе и заставить Парижъ говорить о себѣ; но они вскорѣ же были свергнуты и позабыты. Тогда-то вдругъ и вынырнула въ самомъ центрѣ свѣтскаго и главнымъ образомъ французскаго Парижа (такъ какъ есть Парижъ космополитическій, англо-саксонскій, въ которомъ французская элегантность не имѣетъ большаго успѣха) фигурка Андрэ Бекъ де Фукьера.

Никто, собственно, не зналъ, откуда и какимъ образомъ онъ появился. Одни говорили, что онъ прошелъ не параднымъ ходомъ, во время званаго вечера. Другіе увѣряли, что видѣли его дирижировавшимъ котильонами на нѣкоторыхъ свѣтскихъ балахъ, третьи вспомнили, что встрѣчались съ нимъ въ роялистическихъ комитетахъ и модныхъ ресторанахъ, — но такъ какъ онъ былъ тутъ, и собственно никому не мѣшалъ, то его и оставили тамъ, куда онъ прошелъ. Вскорѣ же хозяйки дома замѣтили, что никто лучше его не умѣлъ дирижировать танцами, а мужья признали за нимъ солидныя антикварныя познанія и артистическія наклонности и всѣ очень милого и услужливаго и открытаго человѣка. Послѣ этого

его фамилия стала все чаще и чаще появляться на страницах „Figaro“ и „New-York Herald“. Когда же некоторые высокопоставленные дамы, вроде г-жи Юзь-Халетт, „царицы Динара“ стали приглашать его къ себѣ на дачу въ Динаръ, въ Довилль или въ замокъ въ Бретани, то онъ вскорѣ же превратился въ парижскую знаменитость.

На самомъ дѣлѣ никто въ парижскомъ обществѣ не принималъ его въ серьезъ и понадобились рекламы газетъ, чтобы люди повѣрили, что Фукьеръ,—второй Джоржъ Брюммель. Этотъ успѣхъ, сдѣланный услужливой прессой, помогъ ему очаровать многихъ богатыхъ иностранцевъ, между прочимъ знаменитаго магараджу Капунталы, пригласившаго его на свадьбу своей дочери въ Индію.

Поѣздка Фукьера въ Индію была коронованіемъ его свѣтской карьеры. Послѣ этого онъ сталъ провозглашать въ своихъ публичныхъ лекціяхъ великія истины, подслушанныя имъ въ кружкахъ молодыхъ парижскихъ эстетовъ, художниковъ и критиковъ, или выписанныя изъ книгъ старыхъ и новыхъ теоретиковъ красоты, изящества и прелести бытія. Въ результатѣ появилась книга „De la Mode, de l'élégance et de la chasteté“ подражаніе блестящимъ и остроумнымъ статьямъ и замѣткамъ о женской и мужской модѣ о дендизмѣ, о „savoir vivre“ и пр. подписаннымъ Жакомъ и Марселемъ Буланжэ, Бутэ де Монвелемъ, Жоржемъ Лепапъ и другими молодыми писателями и художниками—уточчающими, варьирующими и комментирующими французскій вкусъ вдали отъ празднои и легковѣрной толпы.

\* \* \*

Такое прошлое Андрэ де Фукьера, посѣтительнаго насъ нѣсколько дней тому назадъ. Я былъ на двухъ его лекціяхъ и могу съ увѣренностью сказать, что „фукьеризмъ“ (явленіе еще менѣе симпатичное, чѣмъ футуризмъ) „n'est pas un objet d'exportation“, какъ говаривалъ Гамбетта. Вѣроятно, подобнаго же мнѣнія были и тѣ немногочисленные посѣтители этихъ „конферансъ“, принадлежащіе однако къ сливкамъ нашего дипломатическаго міра и аристократическаго общества, такъ какъ на ихъ лицахъ все время читалась скука и онѣ оживлялись только по окончаніи лекціи, когда показывались свѣтоты картины.

Впрочемъ, арбитръ французской элегантности, видимо, только старался заполнить чѣмъ попало длинный промежутокъ времени, отведенный подъ лекцію и ни о чемъ другомъ не думалъ. Онъ началъ было говорить о широкой величавой Невѣ, о прелести русскихъ женщинъ, но сейчасъ же перескочилъ на „Thé Tango“ и не успѣвъ его допить, заболталъ о марабу и эреткахъ, о римскомъ папѣ и авіации, о Людовикѣ XV и о адюльтерѣ и все это безъ всякаго плана, ни къ селу, ни къ городу, va comme je te pousse... какъ говорятъ сами французы. Подъ конецъ, набравшись воздуха и смѣлости, г. де-Фукьеръ, подобно голосу, извѣщавшему 2000 лѣтъ назадъ греческихъ моряковъ, плывущихъ вдоль береговъ Коринфскаго залива, о смерти великаго Пана, возвѣстилъ міру на углу Морской и Вознесенскаго проспекта, печальную новость о близкой кончинѣ несравненнаго Танго.

Вторая „конферансъ“ была занята чтеніемъ вырѣзокъ „Figaro“, „La Vie parisienne“, „Chiffons“, „Les Modes“, „Femina“ и другихъ подобныхъ же періодическихъ изданій, впрочемъ безъ указанія источниковъ.

Оба эти раза на г. де-Фукьеръ былъ надѣтъ черный сюртукъ, застегнутый на двѣ пуговицы и бѣлый жилетъ. Вокругъ его шею красовался невѣроятныхъ размѣровъ темный галстукъ, повязанный пластрономъ. Воротничокъ сюртука былъ скроенъ, немного, въ видѣ хомута и чуть чуть подымался на затылкѣ, а лаковые башмачки съ сѣрыми гетрами нѣсколько напоминали обычную обувь блаженной памяти Литль-Тича.

Конечно, я знаю, что все это не такъ неважно, что нужно имѣть специальный складъ ума знаменитаго въ свое время Джона Вильямса, основателя „Tailor and Cutter Magazine“, ничего другого

невидѣвшаго вокругъ себя, кромѣ сюртуковъ и брюкъ, чтобы искренно оплакивать и возмущаться этимъ отсутствіемъ вкуса, но для человѣка, избравшаго своей специальностью „фэшюнь“ и „дендизмъ“, для такого человѣка малѣйшее „foute de gout“ своего рода, потерянное сраженіе, своего рода Трафальгаръ, Ватерлоо, Седанъ.

Русскій парижанинъ.



Андрэ Бэкъ де-Фукьеръ.

## ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Бритый молодой человѣкъ въ сѣрыхъ замшевыхъ гетрахъ сказалъ:

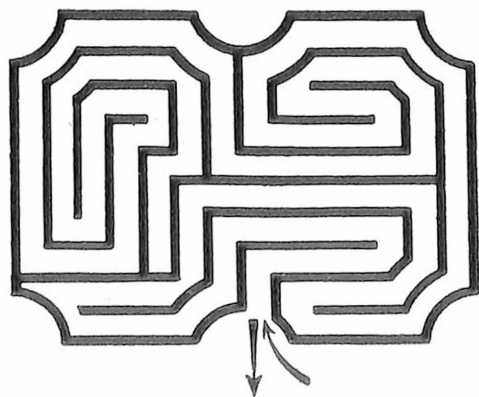
— „Въ Парижѣ бросаютъ afternoon tea! Теперь болѣе шикарно „отъ четырехъ до шести“ подавать фрукты и легкое вино“.

Пожилый господинъ въ обыкновенныхъ ботинкахъ отвѣтилъ:

— „Это та мода, которая слишкомъ модна для того, чтобы быть принятой... Это выдумываютъ газетные фельетонисты, которымъ не хватаетъ темъ... Вы знаете, что среди англійскихъ офицеровъ считается не совсѣмъ приличнымъ надѣвать при штатскомъ модные галстуки: слишкомъ модное бываетъ иногда хуже, чѣмъ совсѣмъ немодное“.

— „Совершенно вѣрно! помните „jupes-culottes“: онѣ были послѣднимъ крикомъ моды, ихъ усиленно „руссировали“ всѣ парижскіе портные... и ничего не вышло. Есть мода и мода“...

добавилъ собесѣдникъ въ жакетѣ, но съ пристяжными манжетами.



## КАКОЙ МНѢ КУПИТЬ АВТОМОБИЛЬ?

*Лабиринтъ соинтнй приводитъ Васъ въ тупикъ, единственный выходъ изъ котораго заставляетъ Васъ обратиться къ*

ТОРГОВОМУ  
≡ ДОМУ **„ПОБѢДА“** СПБ., МОЙКА, 61,

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМЪ **„ОПЕЛЬ“ „ПАНАРЪ“**

**„АРГАЙЛЬ“** и **„Ф. Н.“**



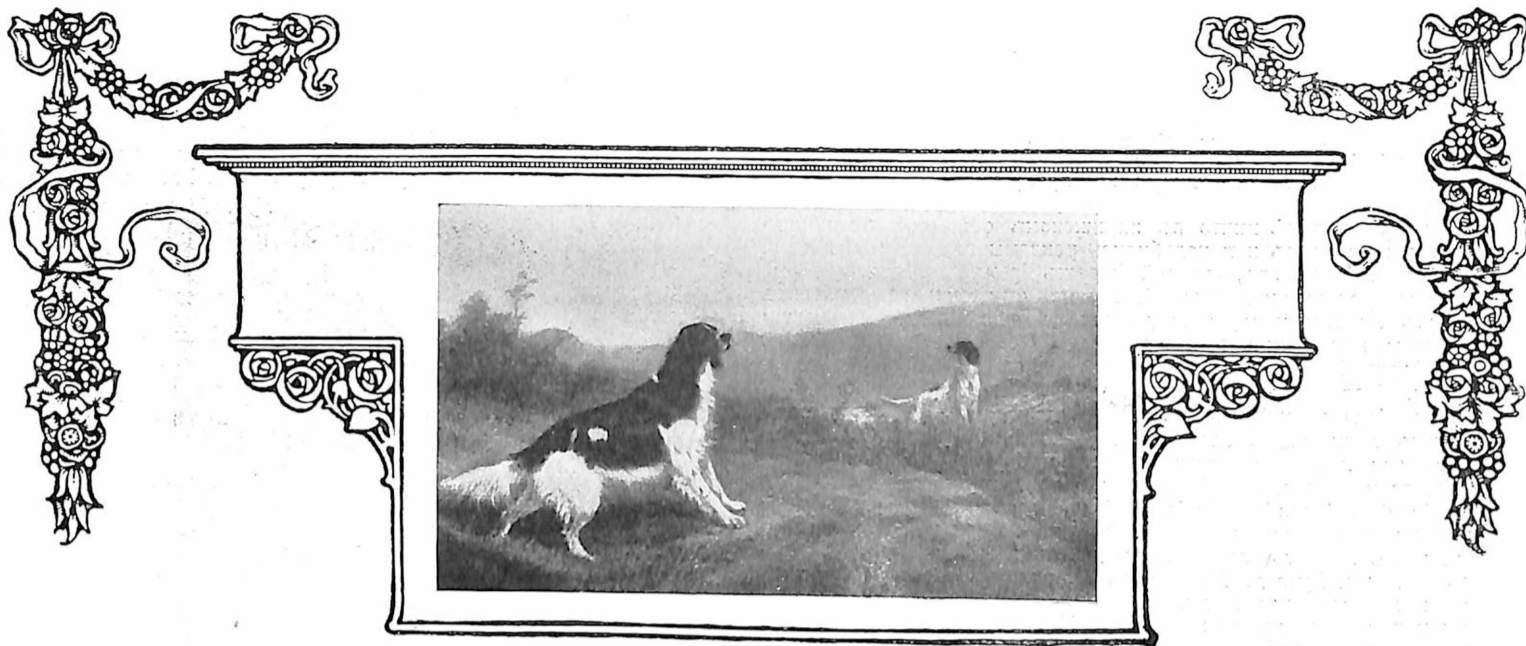
ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ КАРТИНѢ „ПЛЯШУЩАЯ ИСПАНКА“.

Эта картина является первымъ футуристическимъ произведеніемъ міра, созданнымъ до опубликованія манифеста футуристскихъ живописцевъ, проповѣдующихъ динамическій дивизионизмъ.

Задача этой картины дать впечатлѣніе движущейся танцовщицы. Въ разрѣшеніи этой задачи авторъ исходилъ изъ слѣдующаго соображенія: наблюдая движущееся тѣло, мы замѣчаемъ, что части его мелькаютъ передъ нами различными своими сторонами такъ, что глазу представляются почти одновременно, напр., передняя, задняя и боковая стороны наблюдаемаго тѣла. Приводя „разрозненные“ движеніемъ части въ порядокъ (чтобы освоиться съ предметомъ въ его нормальномъ положеніи), глазъ испытываетъ нѣкое специфическое утомленіе, свидѣтельствующее о наличности самаго движенія, какъ объекта воспріятія.

*Н. Евреиновъ.*

Помѣщая эту „композицію“ Н. Н. Евреинова, редація отнюдь не думаетъ стать футуристическимъ органомъ, а отводитъ ей мѣсто, какъ одному изъ характерныхъ проявленій современныхъ „блужданій“.



## TIR AUX PIGEONS.

Настоящий сезон садовой стрельбы в Петербургъ протекаетъ съ небывалымъ оживленіемъ. Въ воскресенья и праздничные дни разыгрываются призы при участіи не меньше 15 стрѣлковъ-спортсменовъ, а въ дни между состязаніями стрѣлялось не мало матчей.

Героемъ сезона можно назвать К. И. Иваницкаго, который взялъ наибольшее количество призовъ; нѣсколько призовъ досталось гр. П. М. Стенбоку, Д. А. Казанцеву, Б. А. Биваровичу и др. Единственная дама, принимающая участіе въ садкахъ и достаточно извѣстная въ Петербургскомъ обществѣ какъ искусный стрѣлокъ на охотѣ, М. Е. Ватковская, тоже не осталась за флагомъ, выигравъ одинъ изъ призовъ этого сезона.

Въ стрѣлбѣ на матчи побѣдителемъ оказался Д. А. Казанцевъ, стрѣлявшій три матча; два изъ нихъ съ Иваницкимъ и послѣдній, 28-го января, втроемъ съ бр. Розенвертъ и Иваницкимъ. Несмотря на великолѣпную стрѣлбу своихъ противниковъ, Казанцевъ выигралъ все три матча. Кромѣ того Казанцевъ долженъ былъ стрѣлать матчъ въ Москвѣ съ лучшимъ стрѣлкомъ Московскаго стэнда, Шуцманомъ. Спортивный интересъ этого состязанія былъ бы большой, ибо результатъ определялъ бы и лучшаго стрѣлка Россіи. Къ сожалѣнію, матчъ не состоялся по болѣзни Шуцмана.

Стрѣляли также матчи: Синельниковъ, Спечинскій и Калашниковъ; Нератовъ съ Синельниковымъ, Хрѣновъ съ Делькруа. Побѣдили Калашниковъ, Нератовъ и Делькруа.

*Декабрь.*

Д. А. Казанцевъ.



Группа, снятая въ одинъ изъ послѣднихъ садовыхъ дней на Крестовскомъ стэндѣ.

Въ центрѣ выигравшій призъ гр. П. М. Стенбокъ. Слѣва на право: гг. Лихаревъ, Иваницкій, гр. Шуваловъ г-жа Ватковская, Калашниковъ, Поклевскій-Козель, Синельниковъ, Нератовъ, Снозерскій, гр. Стенбокъ (въ рукахъ призъ), Рыжовъ, Воронинъ, Саутамъ, Казанцевъ, Ватковскій и (на половину вышель) Хрѣновъ.

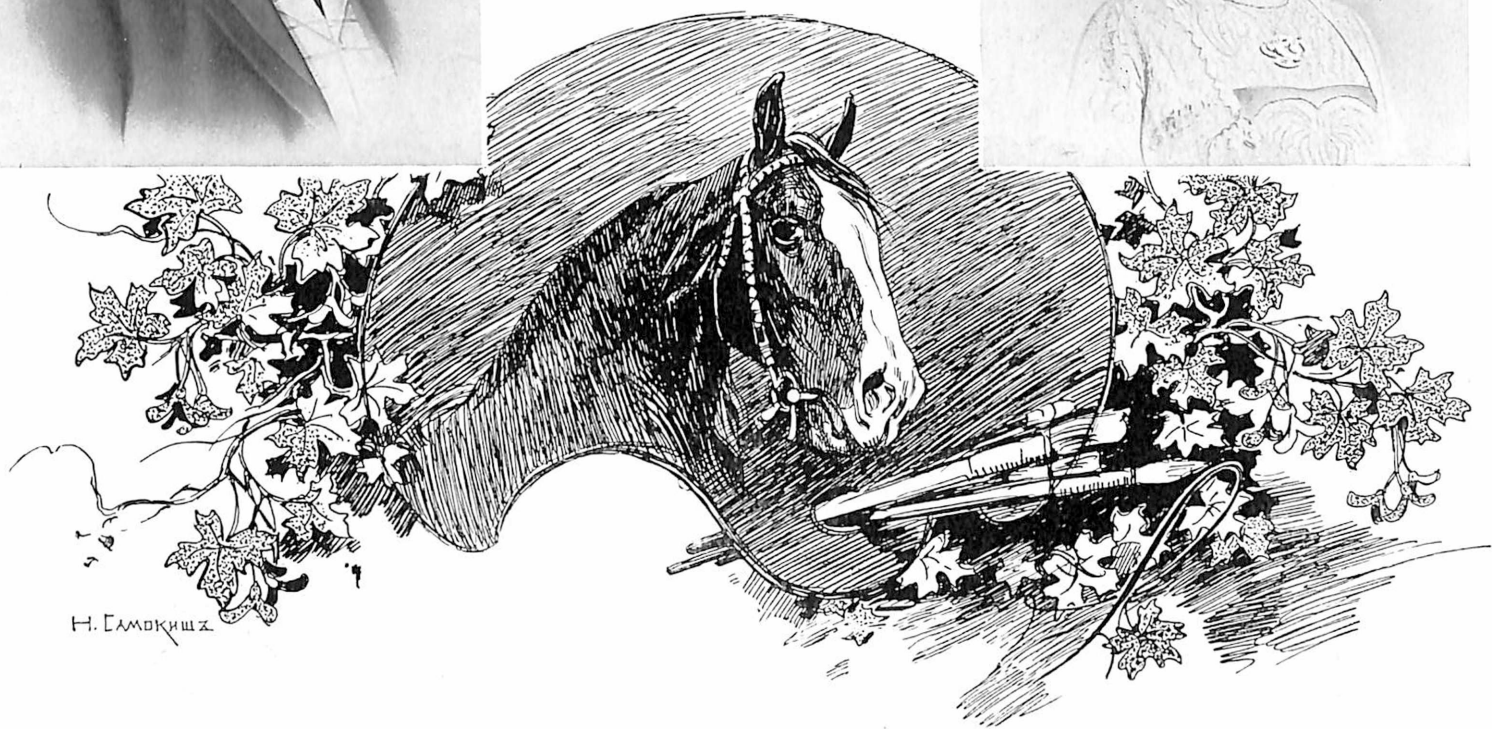
К. И. Иваницкій.







ПЯТНАДЦАТИЛѢТІЕ  
СКАКОВОГО ДѢЛА  
М. И. и Е. И.  
ЛАЗАРЕВЫХЪ.



Въ 1913 году исполнилось 15 лѣтъ спортивной дѣятельности Михаила Ивановича и Евгеніи Ивановны Лазаревыхъ и свыше 10 лѣтъ ихъ коннозаводской дѣятельности.

Малиновые камзолъ и рукава и черный картузь безспорно самые популярныя цвѣта на ипподромахъ обѣихъ столицъ. Этимъ цвѣтамъ большая публика, посѣщающая наши скаковые ипподромы, вѣритъ безусловно. Трудно себѣ представить какое-либо классное скаковое испытаніе въ Россіи и отсутствіе въ немъ Лазаревскихъ малиновыхъ цвѣтовъ...

Впервые эти цвѣта появились въ 1899 году. М. И. Лазаревъ, въ то время еще начинающій охотникъ, сразу обнаружилъ большой размахъ и въ первый же годъ, имѣя почти однихъ двухлѣтокъ, выигралъ два классныхъ приза — въ честь Великаго Князя Сергѣя Александровича въ Москвѣ на гн. ж. „Смайкъ“ и „Большой Варшавскій“, двухлѣтній же, на гн. ж. „Вудденъ“, за которымъ „Смайкъ“ былъ вторымъ — оба сыновья знаменитаго „Рулера“.

Уже со втораго года своего существованія конюшня Лазаревыхъ занимаетъ первое мѣсто и, фактъ небывалый въ цѣломъ мірѣ, неизмѣнно удерживаетъ его далеко впереди остальныхъ русскихъ конюшенъ въ теченіе 12 лѣтъ; только два года, 1901 и 1902, эта конюшня была на второмъ мѣстѣ. Максимальнаго выигрыша, около 380.000 руб., конюшня достигла въ 1913 году, занимая по суммѣ выигрыша второе мѣсто въ Европѣ. То же мѣсто она занимала въ 1912 году.

За пятнадцать лѣтъ, съ 1889 до 1913 года включительно, конюшня выиграла свыше 3,5 миллион. руб.

Въ первые годы своего существованія конюшня Лазаревыхъ должна была выдержать сильнѣйшую конкуренцію польскихъ конюшенъ, въ числѣ которыхъ въ то время еще блистали конюшни Решке, Грабовскаго и другихъ.

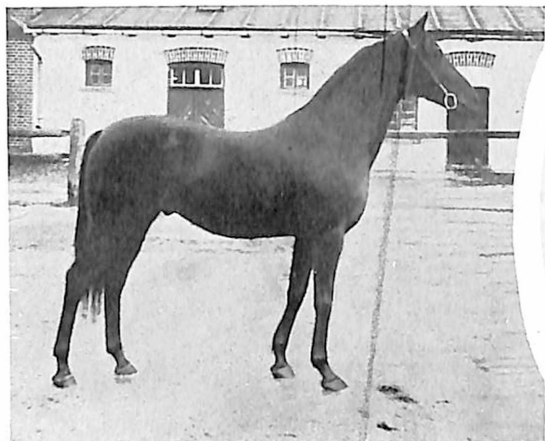
Малиновые цвѣта извѣстны не въ однѣхъ столицахъ: ихъ хорошо знаютъ въ Варшавѣ, Харьковѣ и Ростовѣ на Дону.

Первая побѣда русской лошади за границей была побѣда „Сатира“ Лазаревыхъ въ Вѣнѣ.

Съ 1903 года начинается и заводская дѣятельность М. И. и Е. И. Лазаревыхъ, столь же успѣшная, какъ и спортивная. Питомцы этого завода выиграли уже свыше 1,5 миллионъ рублей.

Въ настоящее время Лазаревы имѣютъ одинъ чистокровный заводъ въ имѣніи „Старая Вѣсь“ въ Варшавской губ. и другой въ „Абазовкѣ“ Полтавской губ.; кромѣ того для обновленія русскаго чистокровнаго дѣла лучшими кровями Англій и Франціи они же устроили два большихъ заводскихъ отдѣленія за границей: одно въ Ньюмаркетѣ и одно подъ Парижемъ. То, что дѣлалось раньше лишь какъ рѣдкое исключеніе, было введено Лазаревыми въ строгую систему по опредѣленной программѣ.

Перечислять всѣ тѣ успѣхи, которые достигнуты этой скаковой конюшней, не представляется прямо возможнымъ — они слишкомъ многочисленны; доста-



„Айришъ-Ладъ“, побѣдитель Всероссійскаго Дерби и всѣхъ трехлѣтнихъ классныхъ призовъ 1903 года.



„Демосфень“, послѣ выигрыша Дерби.



„Айришъ-Ласъ“, непобѣжденная въ двухлѣтнемъ возрастѣ въ 1913 г.



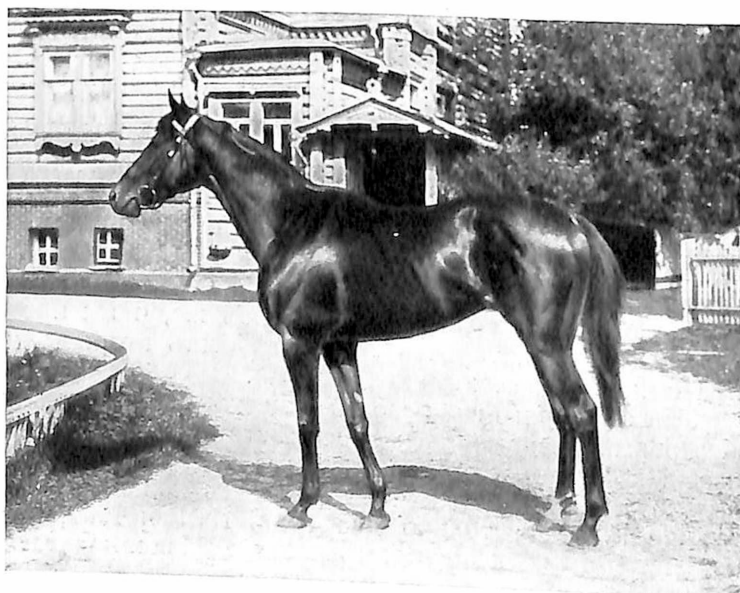
„Серенада“, послѣ выигрыша „трехгорнаго“ приза.

точно отмѣтить, что Лазаревы выиграли: 5 разъ Императорскій призъ въ Москвѣ въ 1903 г. на „Лорнѣ“, въ 1905 г. на „Кулоденѣ“, въ 1907 г. на „Гальти-Боѣ“, въ 1910 и 1911 гг. на „Эпинарѣ“;

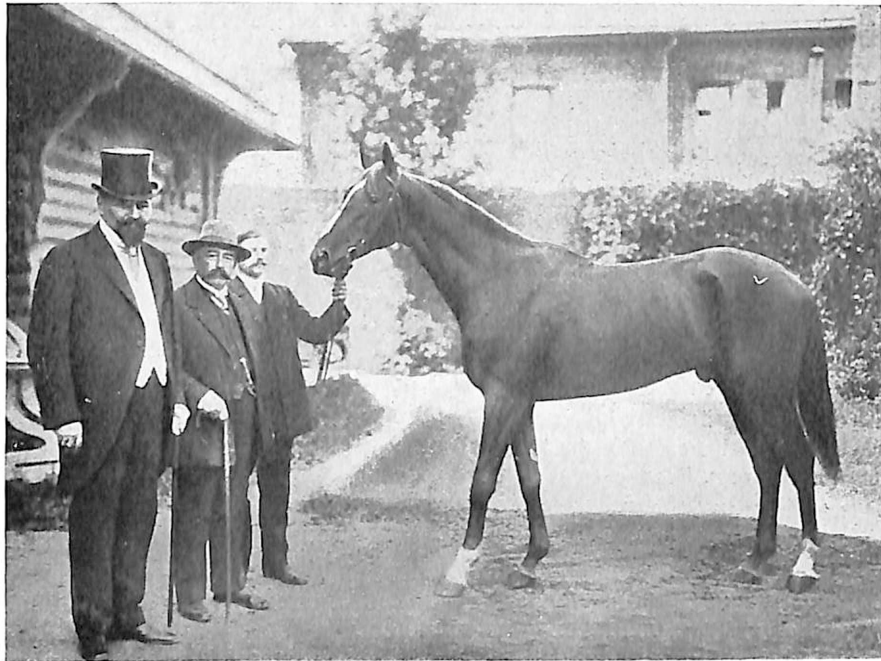
4 раза Императорскій призъ въ С.-Петербургѣ: въ 1905 г. на „Кулоденѣ“, 1906 и 1907 гг. на „Гальти-Боѣ“ и въ 1908 г. на „Уздѣ“;

5 разъ призъ Государыни Императрицы въ Москвѣ: въ 1903 г. на „Айришъ-Ладѣ“, въ 1906 г. на „Гомѣ“, въ 1907 г. на „Уздѣ“, въ 1910 г. на „Даріалѣ“ и въ 1913 г. на „Дарвинѣ“;

8 разъ призъ Государыни Императрицы въ С.-Петербургѣ: въ 1900 г. на „Смайкѣ“, въ 1903 г. на „Айришъ-Ладѣ“, въ 1904 г. на „Кароли“, въ 1905 г. на „Галилеѣ“, въ 1907 г. на „Уздѣ“, въ 1909 г. на „Сократѣ“, въ 1911 г. на „Флореалѣ“ и въ 1913 г. на „Демосфенѣ“;

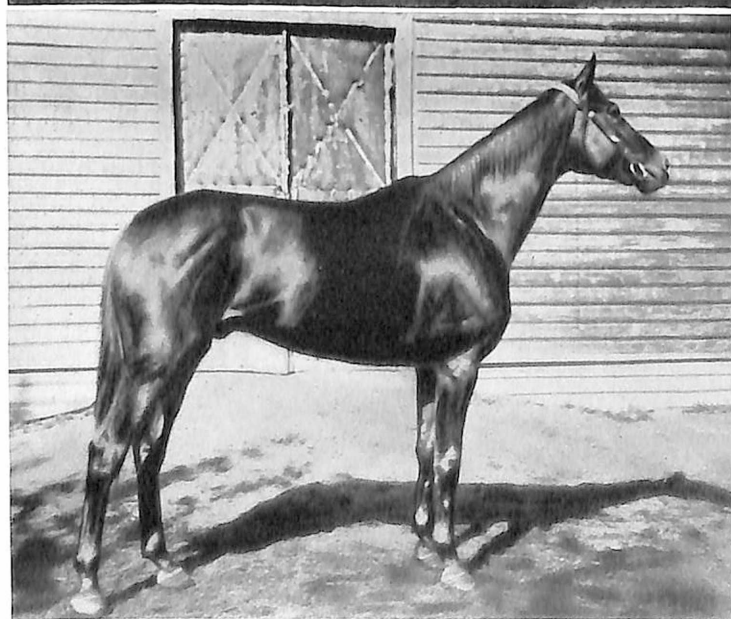


„Даріалъ“, побѣдитель Николаевскаго „приза Сравненія“ въ Спб. въ 1910 году.

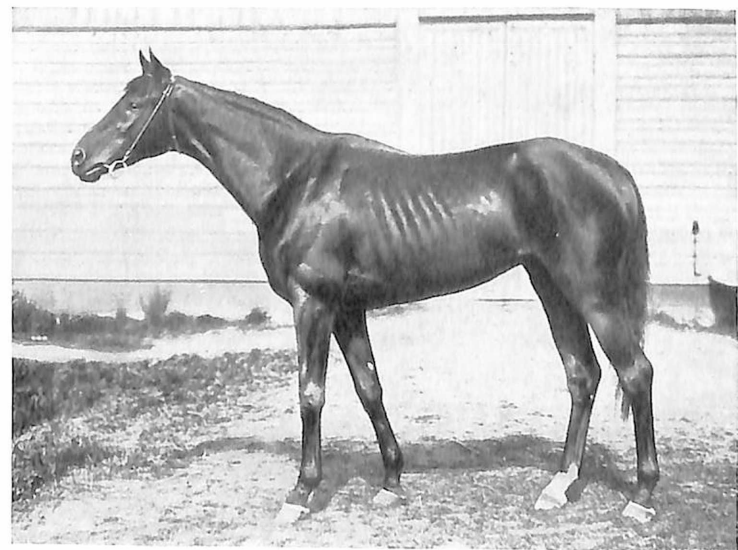


„Зейтунъ“, побѣдитель Большого Международного приза въ Москвѣ въ 1912 г.

„Дарго“, побѣдительница „Спеціального четырехлѣтняго“ приза въ Спб. въ 1913 г.; вторымъ „Грогъ“.



„Узда“, побѣдитель всѣхъ классныхъ двухлѣтнихъ призовъ въ 1906 году и призовъ Государыни Императрицы и Варшавскаго Дерби въ 1907 году.



„Гамлей“, побѣдитель приза Государыни Императрицы въ Спб. въ 1905 году.



„Героинь“, побѣдительница всѣхъ классныхъ двухлѣтнихъ призовъ.



„Мамуръ“, побѣдитель Всероссийскаго Дерби 1912 года.



„Гальтибой“, побѣдитель многихъ классныхъ призовъ въ 1904, 1905, 1906 и 1907 гг.



„Smike“, побѣдитель Варшавскаго Дерби и приза Государыни Императрицы въ 1930 г.

7 разъ Всероссийскій Дерби: въ 1903 г. на „Айришь-Ладъ“, въ 1904 г. на „Кулоденъ“, въ 1907 г. на „Каунтъ“, въ 1908 г. на „Галопъ“, въ 1911 г. на „Флореаль“, въ 1912 г. на „Мамуръ“ и въ 1913 г. на „Демосфенъ“;

8 разъ Варшавскій Дерби: въ 1900 г. на „Смайкъ“, въ 1903 г. на „Айришь-Ладъ“, въ 1904 г. на „Кароли“, въ 1905 г. на „Гальти-Боъ“, въ 1907 г. на „Уздъ“, въ 1908 г. на „Гавоттъ“, въ 1911 г. на „Флореаль“ и въ 1913 г. на „Демосфенъ“.

Почти 80% ежегоднаго выигрыша конюшни, начиная съ 1910 г., падаетъ на питомцевъ собственнаго завода Е. И. и М. И. Лазаревыхъ: „Флореаль“, „Демосфенъ“, „Зейтунъ“, „Дарго“, „Даріаль“, „Булатъ“, „Марать“, „Протей“, „Серенада“, „Дарвинъ“, „Арасханъ“, „Морни“, „Саулъ“, „Сатурнъ“, „Эпинарь“, „Брама“, „Ониксъ“, „Гавоттъ“, „Героинь“, „Галилей“, „Таисъ II“, „Радда“, „Каскадъ“ — вотъ тѣ классные

экземпляры собственнаго завода, которые являются истинной наградой коннозаводчику за постоянное стремленіе создать лучшее.

Результатъ какъ коннозаводской, такъ и спортивной дѣятельности—совершенно исключительный, и его могли достигнуть только тѣ, кто вкладывалъ въ дѣло душу, энергію, здоровье и средства.

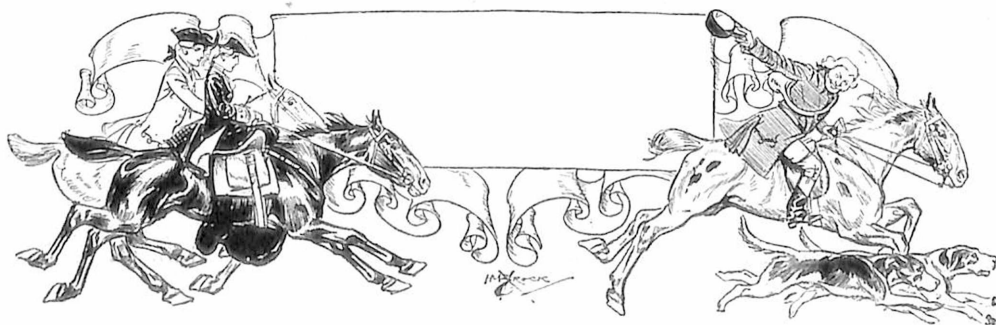
Нашъ извѣстный Московскій журналъ „Коннозаводство и Спортъ“ совершенно правильно, по случаю пятнадцатилѣтія существованія конюшни Лазаревыхъ, отмѣтилъ, что въ области спорта и коннозаводства такой періодъ времени стоитъ гораздо большаго количества лѣтъ въ другой области, гдѣ нервное напряженіе менѣе интенсивно, темпъ жизни много умѣреннѣе, случайности рѣже и какъ-то менѣе чувствительны.

Условія же, въ которыхъ протекла спортивная жизнь для Лазаревыхъ, были при этомъ еще совершенно особенныя. Эта была безконечная борьба, стихшая лишь за послѣдніе два года. Одно время старались доказать, что появленіе, такъ называемой „доминирующей“, конюшни должно вредно отразиться на общемъ состояніи чистокровнаго дѣла въ Россіи. Дѣйствительность же показала какъ разъ обратное: необычайный успѣхъ вызвалъ подражателей, не останавливающихся передъ огромными затратами, дѣло развилось до чрезвычайности. Если когда-нибудь Лазаревымъ надо будетъ сойти со сцены, они могутъ съ полнымъ удовлетвореніемъ сказать: чистокровное дѣло въ Россіи двинулось впередъ и возвращеніе его вспять невозможно.

Въ государственныхъ конскихъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи уже сейчасъ не менѣе 40 производителей—питомцевъ завода и конюшни Е. И. и М. И. Лазаревыхъ. Значительное ихъ число обслуживаетъ также и частные заводы.

Производители собственнаго завода въ Старой Веси знаменитый „Флореаль“, а въ Абазовкѣ—цѣлое депо жеребцовъ, въ томъ числѣ дербисты: „Галопъ“, „Кулоденъ“, „Мамуръ“ и не менѣе ихъ извѣстные сыны „Гальти-Мора“—„Галилей“ и сынъ „Перта“—„Протей“.

\*\*\*



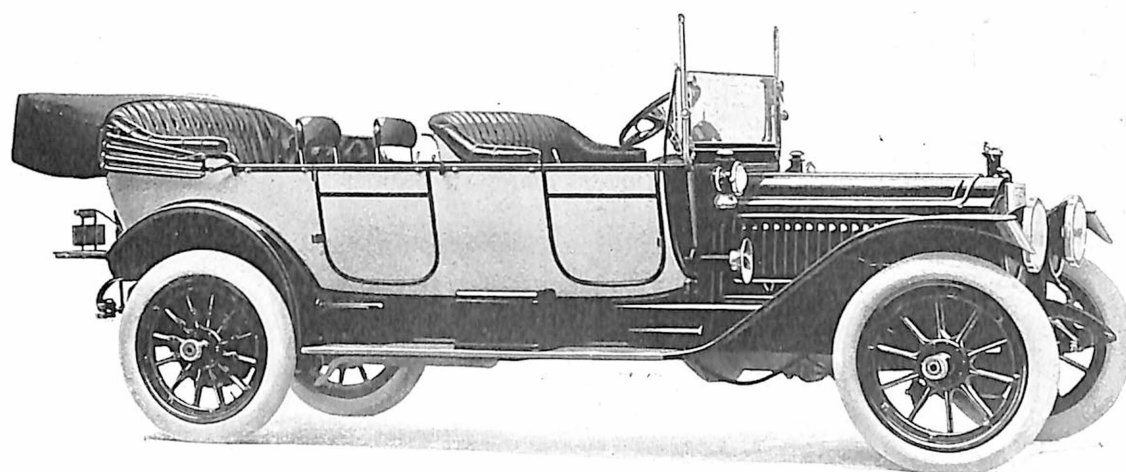


■ ■ ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ  
СЕКРЕТЪ УСПѢХА КРАСОТЫ  
И ГРАЦИИ ФОРМЪ  
ОБРАТИСЬ КЪ  
МАРКУСУ ЗАКСУ  
■ ■ 45 ЛИТЕЙНЫЙ 45 ■ ■

МАРКУСЪ  
ЗАКСЪ

КОРСЕ ТЫ  
НАВЕРНОЕ ИЩЕШЬ  
И РАДОСТЬ ИЖИТЬСЯ  
ВСЕГДА  
ПОСЛЕДНЯЯ  
НОВОСТИ И  
МОДЫ  
ТРЕБУЮТЪ  
ИЛЛЮСТРИР.  
ПРЕСС-КУРАНТЪ  
БЕЗПЛАТНО

МАРКУСЪ  
ЗАКСЪ



„РАСКАРД“  
ЛУЧШЕ ВЪ МІРЪ  
АВТОМОБИЛИ.

ВЪ СОЕДИНЕН. ШТАТАХЪ  
СЪВЕРН. АМЕРИКИ НЪТЪ  
НИ ОДНОГО МИЛЛІАРДЕРА,  
КОТОРЫЙ НЕ ЪЗДИЛЪ БЫ  
□ НА НАШЕЙ МАШИНЪ! □

За справки просятъ обращаться  
къ инж. А. А. ТУПАЛЬСКОМУ,  
Карповка, 19. Тел. 149-71.

НАШИ ПОКУПАТЕЛИ:

JOHN ARBUCKLE.  
C. H. ARCHIBALD.  
M-rs M. H. ASTOR.  
CHARLES GOULD.  
A. S. GOULD.  
M. S. MAC KAY.  
G. H. MORGAN.  
H. W. MORGAN.  
G. L. MORGAN.  
G. P. MORGAN JR.  
M-rs. J. PIRPONT MORGAN.  
W. MORGAN.  
A. G. VANDERBILT.  
CORNELIUS VANDERBILT.  
W. K. VANDERBILT.  
M-rs. W. K. VANDERBILT JR.  
M. L. SCHIFF.  
M. SCHINASI.  
W. G. ROCKEFELLER.

и мн. друг.



## AGENCE COMMERCIALE DE L'AUTOMOBILE

ST. PÉTERSBOURG, FONTANKA, 88. □ TELEPH. 646-06.

DEPÔT DES GRANDES FABRIQUES  
≡ D'AUTOMOBILES ITALIENNES. ≡

# ITALA-LANCIA-AQUILA

GRAND ASSORTIMENT PIECES DE RECHANGE.



### Приготовлено въ Лабораторіи **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратитъ особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ крас. черн. и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которая имѣются на всѣхъ этикетахъ. Получать можно во всѣхъ лучш. аптекахъ, аптек., косметич. и парфюм. складахъ Росс. Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кертнеръ Рингъ 3; Ницца—Е. Лотаръ. Главный складъ для всей Россіи **А. ЭНГЛУНДЪ,** СПБ., Новодеревенская наб. 15.

КУПИТЬ ЖЕЛАЮТЪ  
**МАЛЕНЬКІЙ КАМЕННЫЙ  
БАРСКІЙ ОСОБНЯКЪ,**

НЕПРЕМѢННО НА АПТЕ-  
КАРСКОМЪ ИЛИ КАМЕН-  
НОМЪ ОСТРОВѢ ИЛИ  
ВЪ НОВОЙ ДЕРЕВНѢ.

ПРЕДЛОЖЕНІЯ ПИСЬМЕННО.

Каменноостр. 59, кв. 18, В. К.



### Поставщики Высочайшаго Двора. **ВАЛЬТЕРЪ И КОХЪ**

СПб., ул. Гоголя № 4,  
телеф. 62-66.

СѢДЕЛЬНАЯ И ШОРНАЯ ФАБРИКА,  
основ. 1786 г.

ДАМСКІЯ АНГЛІЙСКІЯ  
скаковыя и охотничьи сѣдла.  
ОФИЦЕРСКІЯ СѢДЛА  
всѣхъ частей войскъ.

Высочайше утвержденное  
ОФИЦЕРСКОЕ ПОХОДНОЕ СНАРЯЖЕНІЕ  
новаго образца.

РУССКАЯ УПРЯЖЬ, АНГЛІЙСКІЯ ШОРЫ.

Всѣ конюшенныя и манежныя  
принадлежности.

Прейсъ-курантъ высылается  
по требованію.

# „THE CAR SUPEREXCELLENT“

(АВТОМОБИЛИ—ВЫШЕ ПОХВАЛЫ)—

ПИШЕТЪ ГАЗЕТА „ТАЙМСЪ“.

## АНГЛІЙСКІЕ АВТОМОБИЛИ ВОКСХОЛЬ

СПБ., Б. Конюшенная № 17, тел. 164-52.

ВСѢ МУЗЫКАЛЬНЫЕ АВТОРИТЕТЫ  
ПРИЗНАЛИ ПРЕИМУЩЕСТВА

# АУТОПИАНО

СЪ КАСТОНОМЪ передъ друг. инструментами.  
ТОЛЬКО КАСТОНОМЪ выдѣляетъ доминирующую  
МЕЛОДИЮ ИЗЪ ВСЕГО АККОМПАНИМЕНТА.

ПРОСИМЪ УБѢДИТЬСЯ ЛИЧНО У  
**ГАНСЪ МУНТЕРЪ**

НЕВСКІЙ, 74. БЕЛЬ-ЭТАЖЪ.



ПОЛУЧЕНЫ  
НОВѢЙШІЯ  
МОДЕЛИ  
типа ЛИППЪ,  
СТЕЙНВЕГЪ насл.,  
РАХАЛЬСЪ,  
КАПСЪ, КАИМЪ,  
ШИДМАЙЕРЪ.

РАЗСРОЧКА  
БЕЗЪ  
ЗАДАТКА.

25.000 НОТЪ ДЛЯ  
АУТОПИАНО.

**АБОНЕМЕНТЪ**  
≡ НОТЪ. ≡

ТРЕБУЙТЕ  
ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ.

НА ШИНАХЪ  
КОЛУМБЪ  
БЪЗДИТЬ ВЕСЬ МІРЪ

**Т-во ПРОВОДНИКЪ**

СКЛАДЫ ВО ВСѢХЪ  
ГОР. РОССІИ И ВО  
ВСѢХЪ ГЛАВНѢЙШ.  
ГОРОДАХЪ МІРА.



ЕДИНСТВЕННАЯ  
ДѢЙСТВИТЕЛЬНО  
НЕСКОЛЬЗЯЩІЯ  
ШИНЫ.



# СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

въ Петербургѣ . . . . .	11 руб. 50 коп.
въ Россіи . . . . .	12 руб. 50 коп.
за границей . . . . .	40 франковъ.

Отдѣльный номеръ—85 коп., съ пересылкой 1 руб.

Выписавшимъ изъ редакціи для ознакомленія одинъ №, при подпискѣ скидывается 75 коп.

## РЕДАКЦІЯ

Каменноостр. пр., 59, кв. 18. Тел. 211-76 и 145-25, телегр. адресъ: Стиус—Петербургъ.

Отдѣльные номера у газетчиковъ не продаются—только въ больш. книжн. магаз. и кіоскахъ жел. дорогъ.

Подписка принимается: 1) Каменноостр. пр., 59, кв. 18, 2) Невскій, 52, Контора „Новаго Времени“ и „Вечерняго Времени“ и 3) Въ больш. книжн. магаз., въ СПБ., Москвѣ и провинціи.

Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка нонпарели ( $\frac{1}{4}$  часть ширины страницы).

Цѣлая страница—400 руб.; меньше  $\frac{1}{16}$  стран. объявленія не печатаются.

Можно печатать любыя, самыя тонкія клише. Цвѣтная печать—цѣна по соглашенію, въ зависимости отъ рисунка.

№ 6 выйдетъ 15-го марта 1914 года.

Первый номеръ отпечатанъ двумя изданіями и полностью разошелся.

Хотя 2-го января было объявлено, что подписка принимается только безъ № 1, но, въ виду многихъ запросовъ, первый № отпечатанъ еще однимъ изданіемъ и разсылается подписчикамъ съ этимъ номеромъ.

№№ 2, 3 и 4 осталось незначительное количество, поэтому съ 10-го марта подписка будетъ приниматься только безъ этихъ трехъ номеровъ.



Цѣна отд. номера 85 коп.

